

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

ГРУППА АНТИТЕРРОР

Альберт БАЙКАЛОВ

ОГНЕВОЙ
КОНТАКТ

Альберт Байкалов

Огневой контакт

«ЭКСМО»

2004

Байкалов А. Ю.

Огневой контакт / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», 2004

За плечами Антона Филиппова три войны. И все в составе спецназа ГРУ. Теперь он работает дальнобойщиком и хочет спокойной жизни. Но ее-то как раз и не предвидится. Антона используют втемную: он перевозит на своей машине деньги для чеченских боевиков. В итоге его ставят «на счетчик», берут в заложники его близких. Тут уж в стороне не останешься, надо ввязываться в бой, возможно, в самый тяжелый бой в его жизни...

© Байкалов А. Ю., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	31
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Альберт Байкалов

Огневой контакт

Факты и события, изложенные в книге, вымышлены. Их трактовка не отражает мнения издательства. Любые совпадения имен, фамилий и ситуаций случайны и непреднамеренны.

Часть I

Глава 1

Было уже далеко за полночь, когда на одной из улиц подмосковного Чкаловска, хорошо освещенной полной луной, составившей в это время конкуренцию редким фонарям, затормозили неприметные «Жигули» шестой модели.

Вышедшие из машины двое мужчин, кутаясь в модные пальто черного цвета, скрылись в переулке, который упирался в сосновый лес.

Пройдя через него с полкилометра по тропинке, они вышли к окраине небольшого дачного поселка и остановились.

Весна была в самом разгаре, однако столбик термометра по ночам все еще норовил опуститься за нулевую отметку. Промозглый ветерок, наполненный запахами едва оттаявшей земли, пробирал до костей.

– Куда дальше? – вопросительно посмотрел на своего попутчика высокий, седой мужчина со шрамом на щеке.

– Третий дом отсюда, – кивнул головой второй, указывая направление.

Он выглядел моложе и уступал в росте, однако был шире в плечах.

Оба говорили по-чеченски.

Войдя во двор наполовину недостроенной дачи, они направились к воротам гаража, через щель которых едва заметно пробивался электрический свет.

Седой остановился в нескольких шагах от железной двери, держа руки в карманах, и, слегка поеживаясь, принялся ждать, когда на стук его помощника отзовутся.

– Кто? – раздался неприветливый мужской голос.

– Аслан, – вполголоса ответил парень.

Свет, лившийся через щель, погас, и двери бесшумно открылись. Мужчины прошли в глубь гаража. До слуха донесся едва слышный скрип петель и лязг запора, после чего свет вновь включили.

Это помещение было довольно просторным. Здесь свободно могло разместиться несколько легковых автомобилей. Бетонный пол был тщательно вымыт.

Вдоль одной из стен стояли коробки с компьютерами. Уложенные одна на одну, они занимали треть всего пространства. По центру находился длинный стол, на котором валялись отвертки, пинцет, куски полиэтилена и паяльник. Рядом с ним, на пластиковом стуле, сидел, упревая правую руку в колено, преклонного возраста мужчина.

Черты лица этого человека имели какую-то тонкую, едва уловимую схожесть с внешностью вошедших. У него были серые умные глаза, глядевшие на гостей из-под темных, сросшихся на переносице бровей. Длинный, с горбинкой нос подпирали пышные усы. Голову покрывала круглая, сшитая в форме тибетейки, кожаная шапочка.

Его рот расплылся в улыбке.

– Аслан! – Он медленно поднялся со своего места и, вытянув перед собой руки, вышел навстречу седому: – Ну, здравствуй, брат!

– Здравствуй, – обнимая его, ответил Аслан.

Впустивший гостей бородатый чеченец при виде этой сцены едва заметно улыбнулся и, поправив ремень небрежно висевшего на плече автомата, скрылся за дверью в пристройку.

За происходящим наблюдали еще двое мужчин, стоящих чуть в стороне. Это были братья-близнецы Литвиновы – Андрей и Роман. Закончив институт радиоэлектроники, где получили за свои новаторские идеи и любознательность прозвище Кулибины, они, оказавшись невостребованными, ни дня не проработали на производстве. Перебивались случайными заработками, используя остатки знаний на ремонте и настройке радиоаппаратуры. Несколько месяцев назад Кулибины нашли пристанище у хозяина строящейся дачи Турпала, выполняя на первых порах роль охранников.

– Все готово? – освободившись от объятий, Аслан окинул взглядом штабеля с коробками.

– Обижаешь, – усмехнулся Турпал, переходя на родной чеченский язык. – Когда будет машина?

– Прямо сейчас. Она стоит на въезде в город. Утром груз должен быть на базе, – доставая сотовый, ответил Аслан. – Что ты собираешься сделать с этими людьми? – имея в виду близнецов, едва слышно спросил он, одновременно набирая номер телефона.

– Они загрузят машину, затем уберут здесь все, – пожал плечами Турпал.

Его глаза при этом забегали. Он часто заморгал.

Аслан понял, что родственник не хочет убивать их.

Бросив в телефон несколько фраз, он убрал трубку в карман и перевел взгляд на человека, с которым пришел.

– Гурно, эти люди очень много знают. За этот месяц они упаковали в компьютеры три миллиона долларов для наших братьев, ведущих священную войну. Сегодняшний миллион должен стать для них последним, поэтому отсюда должны уйти только четверо.

Тот понимающе кивнул головой:

– Будьте спокойны. Эти люди сгорят в своей комнате, обожравшись водки. Инсценируем неосторожное обращение с огнем.

– Не годится, – неожиданно запротестовал Турпал. – Много шума будет. Пожарные, милиция...

Издали донесся гул работающего двигателя.

– Ну что, джигиты? – вновь перейдя на русский, как ни в чем не бывало, весело подмигнул Аслан Кулибиным. – Последний рывок – и расчет! Деньги и водка в машине.

Незадолго до рассвета пьяных братьев, измотанных недосыпанием последних нескольких дней, сморил сон.

Не снимая перчаток, Гурно разлил остатки водки в стаканы и растолкал их.

– Давайте по последней и спать.

– Я сегодня дежурю, – растягивая слова и глотая окончания, пробормотал Андрей. – Мне спать нельзя!

– Ничего, до обеда я посторожу, – похлопал его по плечу чеченец, кивая на черную «Волгу» Турпала: – Допивай и полезай в машину. Проспись, тебе отдохнуть надо.

Влив в себя, как воду, содержимое стакана, Андрей поднялся и, больше не говоря ни слова, шатаясь из стороны в сторону, побрел к машине.

Через десять минут Кулибины спали, забывшись крепким сном, один – уронив голову на руль, другой – завалившись на заднем сиденье заведенного автомобиля, который, не трогаясь с места, через некоторое время должен был унести их в самый дальний и последний путь.

Плотно прикрыв двери гаража и утерев слезившиеся от едкого дыма глаза, Гурно Алхастов принялся дожидаться, когда братья уснут уже вечным сном.

* * *

На прощание, дружески хлопнув по плечу стоящего возле турникета охранника, Антон Филиппов вышел с территории автобазы.

Оказавшись за проходной, еще раз, при свете уличного фонаря, открыл дорожную сумку. Все подарки для Жанны были на месте. Можно было, конечно, уместить в ней свитер и термос, оставленные в спальнике «КамАЗа». Для этого лишь стоило покомпактнее все уложить, но, побоявшись помять красочно оформленные упаковки, он отказался от этой затеи.

Было уже поздно, поэтому рассчитывать на трамвай или троллейбус не имело смысла, и Антон пошел пешком.

До дома было около тридцати минут ходьбы по ночному городу, однако это несколько его не беспокоило. Хотя и кишит город отморозками, все же это далеко не Грозный, где в такое время несколько десятков метров от блокпоста до нужника могут оказаться дорогой в ад.

Филиппов шел, улыбаясь самому себе, представляя удивленное и заспанное лицо Жанны, когда, бесшумно проскользнув в спальню, разбудит ее поцелуем.

Осторожно, почти без шума, открыл дверь. Полоса тусклого света с лестничной площадки осветила прихожую.

«Все, три дня выходных, и никого, кроме Жанны!» – думал он. Однако, переступив через порог, ощутил неприятный холодок тревоги. Что-то было не так, как всегда.

Он замер, пытаясь определить причину этого чувства. В висках застучало. Отчего-то защемило под сердцем.

Что?

И тут до него дошло!

Каждой квартире присущ свой специфический запах. Это зависит от совокупности причин, в том числе от парфюмерии, которой пользуются хозяева.

Его обдало жаром. Привычный колорит был нарушен приторно сладковатым ароматом незнакомого одеколона.

Осторожно поставив сумку на пол, он включил свет. На вешалке висела кожаная куртка Жанны, его и... Не может быть! Чужой мужской кожаный плащ! Он перевел взгляд ниже, на подставку для обуви. То же самое. Легкие полусапожки жены и пара мужских туфель.

Еще не веря первым пришедшим на ум мыслям насчет неверности жены, Филиппов какое-то время растерянно разглядывал эти чужие вещи. «Может быть, какой-нибудь родственник приехал?» – мелькнуло в голове.

С минуту постояв, собираясь с мыслями у дверей в зал, он повернул ручку и вошел, одновременно заметив тень, метнувшуюся из спальни. Не сводя с нее глаз, левой рукой щелкнул выключателем. Яркий свет заставил на мгновение зажмуриться. Когда Антон открыл глаза, то на другом конце комнаты, у телевизора, увидел незнакомого мужчину. На вид ему было не больше двадцати пяти лет. Внешность его говорила о том, что даже если не он сам, то его предки были выходцами с южных окраин давно распавшегося на отдельные государства Союза. Черные, кучерявые волосы торчали в разные стороны. Неестественно бегающие глаза, такого же цвета, как шевелюра, разделял длинный и тонкий нос. Лицу, вытянувшемуся от удивления и испуга, еще более нелепое выражение придавала отвисшая нижняя челюсть. Застигнутый врасплох бедняга был во власти животного страха.

Он стоял в одной рубашке, наспех надетой в темноте и неправильно застегнутой, от чего одна пола была короче другой.

Антон медленным и тяжелым взглядом обвел его с головы до ног, задержав взгляд на трусах белого цвета, надетых наизнанку, да еще, ко всему, не первой свежести, и уставился на выпирающие коленки худых ног, которые неестественно тряслись.

В висках застучало.

Филиппова охватило дикое желание просто порвать на части стоящее перед ним существо...

«Я горбачусь, сутками не вылезая из-за баранки, а в это время какой-то урод приходит в мой дом, как к себе! – молнией пронеслось в голове. – Сколько же раз мне пришлось обнимать и целовать жену после этого недоноска?!»

Тем временем «гость», стараясь не смотреть нежданно появившемуся и заставшему врасплох хозяину квартиры и мужу любовницы в глаза, обезумевшим от страха взглядом шарил по углам комнаты. При этом его голова поворачивалась рывками, как у параноика, а тряска перешла в частые судорожные подергивания.

– Снимай трусы, «мачо», – сквозь зубы процедил Антон.

– Слюшай, не... Не надо, – взмолился горе-любовник, еще не понимая, что хочет сделать неожиданно появившийся в квартире амбал.

Его голос еще сильнее разозлил Филиппова.

– Живо, урод!

Тот подчинился. Можно было только предполагать, какие мысли роились у бедняги в голове, когда он стягивал с себя эту принадлежность туалета.

– Она сказала, что одна живет, – попытался он оправдаться, но Антон не дал ему договорить:

– Я даю тебе шанс выжить. Сзади тебя балкон... Считаю до трех, два уже было...

Глаза «Казановы» расширились от ужаса. Казалось, они сейчас выкатятся из орбит. Он замотал головой.

Словно бык, с шумом втянув в себя воздух, Антон сделал шаг в сторону своей жертвы. В то же мгновение несчастный любовник, издав какой-то нечеловеческий, протяжный вой, развернулся и кинулся на балкон, видимо, даже не подумав, что находится на четвертом этаже.

До слуха Антона донесся вскрик и звук треснувших реек, между которыми сосед снизу натянул бельевые веревки. Он вышел следом. На удивление, парень не разбился. Слегка хромая и пошатываясь, он ковылял в сторону от освещенной дорожки, проходившей вдоль дома, волоча за собою обломки приспособлений для сушки белья, одновременно, на ходу, пытаясь от них избавиться левой рукой. Правая висела как плеть.

«Ну вот, и мараться не надо, сам себя наказал», – со злорадством и облегчением подумал Филиппов, провожая его взглядом.

На третьем этаже зажегся свет. Во избежание объяснений с соседом он поспешил вернуться в комнату. Благо, дом пятнадцатизэтажный, попробуй теперь догадайся, что и откуда слетело, тем более жалкое существо уже скрылось из виду.

Осторожно, чтобы не было слышно снизу, он притворил за собой дверь и обернулся.

Закутавшись в одеяло, перед ним стояла та, которой он жил, теперь уже чужая, словно случайно попавшая в его дом женщина. Некоторое время Антон разглядывал ее, прямо и бесцеремонно, как животное в зоопарке.

Они относились к той категории семейных пар, которым бросают вслед завистливые взгляды. Жанна едва доставала в росте ему до подбородка. У нее были голубые и бездонные как небо глаза, с детским озорством смотревшие на мир из-под длинных ресниц. Маленький, слегка вздернутый носик словно приподнимал аккуратную верхнюю губку, обнажая ряд ровных, ослепительно белых зубов.

Как он любил каждый миллиметр ее нежной кожи! Как любил тонуть в синеве этих глаз, часами перебирая и глядя эти шелковистые и невесомые волосы...

«Неужели такое могло случиться?! – стучала одна мысль. – Да, это было на самом деле, это есть до сих пор, но почему же не верится?»

Жанна ждала своей участи, правильно поняв, что лучше в этой ситуации не открывать рта. Но Антон молча прошел на кухню, где, кстати, обнаружил хорошо сервированный стол с почти не тронутой закуской на две персоны и бутылкой «Белого аиста».

– Ишь ты, как торопились в кровать! – неожиданно вырвалось у него.

Он одним движением руки снес все это на пол. В звоне бьющейся посуды потонули отборные ругательства. С силой рванув на себя дверь холодильника и достав из него бутылку водки, оставшуюся еще со дня рождения, Антон взял стакан и вернулся в комнату.

Жанна, еще сильнее съежившись, стояла на том же самом месте.

«Куда подевалась вся ее прежняя красота? Жалкая самка!» – брезгливо подумал он. Усевшись на диван и налив полстакана, сразу же осушил его до дна.

– Слышь, сука! – он запнулся, неожиданно поймав себя на мысли, что впервые за семь лет совместной жизни произносит что-то вульгарное в адрес жены. – Тебе полчаса времени... Это ровно столько, сколько я смогу тебя терпеть в этой квартире.

Слова давались с трудом. Он никогда раньше и мысли не мог допустить, что их счастливая супружеская жизнь может завершиться подобным образом. Зная только из анекдотов и кино, чем заканчиваются подобные инциденты, Антон не мог представить, как вести себя дальше.

Снова выпил. Немного поморщившись, перевел дыхание. Жанна продолжала стоять, глядя куда-то в пустоту перед собой. Расценив ее бездействие по-своему, он добавил:

– Между прочим, ты рискуешь отправиться лифтом, презентация которого только что состоялась, – и, указав в сторону балкона уже пустой бутылкой, вновь удалился на кухню.

Под ногами хрустели осколки битой посуды. Было скользко от салатов, шпротов, холодца, перемешавшегося с обломками сервиза, и обильно разлившегося на полу коньяка. Сервиз было жаль, подарок. Пользовались им только по большим праздникам. От этого обида нахлынула на него с новой силой. Он методично стал давить ногой крупные осколки чашек, тарелок...

Тем временем Жанна звонила отцу:

– Папа! Это я, да, ничего... срочно приезжай... Нет... Не беспокойся. Да, все объясню!

Затем, положив трубку, судя по приглушенному ковром звуку шагов, удалилась в спальню.

На опьяненный яростью мозг алкоголь не действовал. Да и не хотелось этого. Выпил не из-за того, что в этом возникла острая необходимость, а просто это было первым, что пришло ему в голову. Выпил, чтобы скрыть свою растерянность и то, что не знает, как поступить дальше. Подбирая в уме нужные слова, в паузах между предложениями Антон специально медленно наполнял стакан, оправдывая тем самым промежутки в своей речи, ставшей мгновенно высохшим венцом их многолетней совместной жизни. Сделав бутерброд с колбасой, он вернулся в комнату и уселся в кресло.

Тем временем Жанна осторожно ходила по комнатам, не произнеся ни одного слова.

Прошло где-то около получаса, когда в дверь позвонили. Вздвогнув, она испуганно посмотрела ему в глаза. Полуприкрыв веки, Антон продолжал безучастно сидеть, развалившись в кресле.

Жанна прошла в прихожую. Щелкнул замок.

Отец с ходу начал задавать вопросы, голосом, немного повизгивающим и с хрипотцой, характерной для людей, неожиданно прервавших сон.

– Жаннушка, что случилось?!

– Пап! Я прошу тебя, ничего не спрашивай! Ничего, – раздались приглушенные всхлипы.

– Что с тобой? – уже рассеянный и полный недоумения голос отца прозвучал так тихо, что Антон, находясь в комнате, едва расслышал.

Антон недолюбливал тестя. Можно сказать, терпел, как, впрочем, и тот его. Леонид Алексеевич был невысоким, но сильно раздавшимся в ширину человеком, слегка напоминал квад-

рат. Наполовину лысую голову, с остатками седой шевелюры над висками и на затылке, почти всегда покрывала черная фетровая шляпа. Большой, крупный нос был слегка расплюсчен и почему-то отливал синевой, как у алкоголиков, хотя тесть не часто прикладывался к спиртному.

Глаза у него были маленькие и смотрели на все с какой-то непонятной подозрительностью. У него была неизменная привычка держать левую руку в кармане, а правую на груди, между второй и третьей пуговицей плаща или куртки. По этой причине он не любил носить верхнюю одежду, застегивающуюся на «молнию». В разговоре всегда привставал на цыпочки, при этом смешно выпячивая живот.

Предвзятость, с которой он относился к зятю, распространялась практически на всех без исключения, кого он считал ниже своего социального уровня. Это качество было выработано у него за долгое время работы на руководящих должностях. Антон с самого начала семейной жизни ощущал постоянную неприязнь со стороны тестя и тещи, которую в принципе они пытались скрыть с присутствующим людям такого уклада жизни полным отсутствием артистизма.

Он познакомился со своей будущей женой, учась на четвертом курсе общевоинского училища, тогда еще имени Верховного Совета. Плотнo параллельно учебе занимаясь офицерским многоборьем и к тому времени став уже мастером спорта, Антон часто ездил на тренировки в бассейн, куда имела привычку ходить его будущая супруга.

Их знакомство пришлось на тот период времени, когда престижность военной службы упала на самую критическую отметку. С экранов телевизоров не сходили сюжеты о замерзающих в военных городках семьях военных и офицерах, падающих в голодные обмороки во время несения боевого дежурства. Антон знал, родители Жанны категорически настроены против их свадьбы, однако он добился своего.

Ему, как он считал, везло. После нескольких месяцев службы в должности командира взвода одной из частей Ленинградского военного округа он получил предложение о переводе в спецподразделение ГРУ, где, несмотря на полную разруху в стране и нищету в армии, регулярно и неплохо платили. После окончания специальных курсов под Санкт-Петербургом побывал на трех войнах и отделался лишь одной контузией. После неожиданно поступившего приказа о расформировании части не поддавшись настроению большинства и не вернулся в войска, а уволился и нашел хорошо оплачиваемую работу.

Он пробивал себе дорогу сам, не оглядываясь по сторонам и не надеясь на чью-то помощь...

Антон сидел с закрытыми глазами, спиной ко входу, однако, несмотря на это, сразу почувствовал, что Леонид Алексеевич вошел в комнату.

Жанна металась по квартире и собирала вещи. Хлопали двери бельевых шкафов, выдвигались и задвигались ящики, шуршали пакеты. Отец, пытаясь понять, в чем дело, несколько минут ошарашенно наблюдал за суетой дочери, затем ему на глаза попался затылок зятя, виднеющийся из-за спинки кресла.

– Он что, пьян? – с трудом переводя дыхание, провизжал тесть. – Он что, пьяный сидит?! Но Антон даже не подал виду, что слышит.

Видя, что на него никак не реагируют, Леонид Алексеевич уже более громко, даже с некоей угрозой в голосе, потребовал у дочери объяснений столь срочных сборов.

В ответ – молчание.

Запах разлитого на кухне коньяка, заполнивший квартиру, и отсутствие какой-либо реакции со стороны зятя окончательно утвердили его в правильности сделанных им выводов.

– Эта пьяная свинья обидела тебя? – И, не дожидаясь ответа, по привычке всегда уверенного в своей правоте человека, Леонид Алексеевич перешел в наступление: – Мы с мамой предупреждали тебя, что это было! Ему на роду написано в навозе ковыряться. Кстати, откуда он взялся, ведь его послезавтра ждали?!

Но и на этот раз не дождался ответа. Жанна знала, что Антон все слышит, однако не предпринимала даже попытки заставить отца замолчать, только при каждом слове еще ниже опускала голову, от чего тот все больше убеждался в своей правоте.

Когда возня из комнаты переместилась в прихожую, Антон встал, зашел в спальню и, брезгливо собрав лежащие на кровати «использованные» спальные принадлежности в один большой узел, вышел следом.

– На! – Брезгливо ухмыльнувшись, он бросил сверток под ноги тестю. – Забери заодно и сексодром своей доченьки!

Леонид Алексеевич оторопел от неожиданности.

Немного подумав, с неподдельным отвращением на лице, Антон снял висевший на вешалке плащ, взял туфли несчастного любовника и засунул в сумку, стоящую у ног Жанны:

– Снаряжение своего порнопилота ты ему передашь сама.

* * *

До восхода солнца оставались считанные минуты. Верхушки сосен слегка порозовели на фоне посветлевшего неба. Низины подернулись невесомой дымкой тумана. По шоссе, сонно и недовольно урча двигателями, все чаще стали проноситься автомобили.

Недалеко от него, на проселочной дороге, стоял невзрачный на вид «Опель» желтого цвета. Находящиеся в нем люди бодрствовали.

Средних лет мужчина, положив подбородок на руль, с безразличием во взгляде провожал автомобили. Сидевший рядом с ним, наполовину лысый субъект, с изрядно тронутым морщинами лицом, напротив, волновался. Это было заметно по тому, как часто он перекалывал из руки в руку трубку сотового телефона, при этом тщательно вытирая освободившуюся ладонь о штаны.

– Что-то ты, Саныч, нервничаешь раньше времени, – осторожно заметил развалившийся на заднем сиденье еще один член странного экипажа. Нареченный при рождении Рудиком, он был «перекрещен» братвой и имел странное прозвище – на бандитском сленге «погоняло» – Барабан.

На вид ему было не больше двадцати пяти. От своих товарищей он отличался не только возрастом, но и комплекцией. Под футболкой с коротким рукавом бугрились мышцы. Бычья шея не позволяла ему держать голову прямо, от чего он смотрел исподлобья, слегка наклонив ее вперед, действительно напоминая быка. Искривленная переносица на крупном, веснушчатом лице, рассеченные в нескольких местах брови и покатая спина наводили на мысль о том, что он занимался боксом. Волосы у него были рыжего цвета, и, несмотря на очень короткую стрижку, это было заметно даже в предутренних сумерках. Такого же цвета поросль покрывала и огромных размеров кулаки, с набитыми пястными костями указательного и среднего пальцев.

– Рудик, помолчи, а! – с раздражением одернул его Саныч и нажал кнопку магнитолы.

На несколько минут салон заполнила музыка «Русского радио», затем женский голос известил о том, что в Москве пять часов утра, и коротко проинформировал об основных темах новостей. Среди них были и результаты расследований недавних взрывов, прогремевших на юге России.

Поморщившись, словно от зубной боли, Саныч выключил приемник.

– Дернул же черт этих идиотов шухер наводить именно на этой неделе, – неожиданно подал голос сидящий за рулем. Было ясно, что он имеет в виду организаторов терактов, коими, несомненно, являлись чеченские боевики. – Сейчас менты, как собаки. В машинах ночью все вверх дном ставят. Опять этот «Вихрь-антитеррор» объявили.

Запиликала трубка сотового. Саныч приложил ее к уху.

– Да, мы на месте. Ждем...

Отключив трубу, он перевел взгляд на водителя:

– Москвичи на связь выходили. В районе восьми они нам его передадут... Так что, Константин, дальше от тебя и от твоей телеги будет зависеть, проживем мы больше двух суток или нет...

Тот, в свою очередь, ухмыльнулся, но промолчал, стараясь скрыть передававшееся и ему волнение. Однако от Саныча не ускользнуло, что Константин, он же Бельчик, нервно затарабанил пальцами по баранке...

* * *

На погрузке Антон не обратил внимания на стоящий неподалеку «Мерседес» темно-синего цвета. Было просто не до этого. Расписавшись в документах и проверив замки контейнера, под утро он выехал с территории товарной станции. Изрядно измотанный сначала поездкой на Москву, затем получением груза, Филиппов, погруженный в свои мысли, возвращался назад.

Столичные дороги он не любил из-за перенасыщенности транспорта. Все куда-то спешили. То и дело его «подрезали» шустрые иномарки, столкновение с которыми, даже повлекшее небольшое повреждение, не сулило ничего хорошего.

Между тем темно-синий «мерс», проследовав за ним до кольцевой автостреды, исчез, уступив место неприметному на вид «жигуленку», который «повел» его дальше автостреды.

Асфальтированная лента шоссе извивалась, словно змея от боли, причиненной колесами. Ускользала то вправо, то выворачивалась влево, вздымалась вверх, а затем круто забирала вниз.

Прошел месяц, как Антон остался один. Перешагнув в ту роковую ночь через порог своего дома, он словно шагнул в новый, уныло серый и безрадостный мир. Попытка залить горе водкой не принесла желаемого результата, и через несколько дней он пришел к выводу, что понятие «утопить горе в стакане» – лишь оправдание, придуманное алкашами.

«А может, прав тесть? Может быть, я действительно быдло, только сам себя не могу увидеть? – размышлял он из рейса в рейс, оставаясь наедине с дорогой. – Дураку понятно, что не бывает людей без недостатков, а ведь мне до сих пор казалось, что у меня их нет! Я, например, считаю этого парня уродом, но ведь не просто так, ради скуки, приволокла она его домой...»

– ...Ну, Бельчик, готовься. Через несколько минут передадут фуру нам. – Саныч устало опустил руку с зажатым в ней телефоном на панель. – Заводи!

– Не суетись, – спокойно ответил тот, однако повернул в замке ключ зажигания.

Сзади заерзал Барабан. Из кармана спинки заднего сиденья извлек «ПМ» и зачем-то, в который раз, проверил обойму.

– Ты смотри, горячку не пори и за ствол не хватайся, – заметил Бельчик, косясь на напарника в зеркало заднего вида. – Рожу тоже попроще можно сделать, а то при виде нее у любого мента появляется желание покопаться в машине.

Послышался звук приближающегося «КамАЗа». Одновременно запиликал сотовый.

– Слушаю, – не представляясь, с едва скрываемым волнением, выдал Саныч в трубку.

– Девушку в синем видишь?

– Вижу...

– Тогда давай, с богом!

– Спасибо.

Саныч указал Бельчику на мелькающую среди деревьев машину, затентованную синим брезентом:

– Давай за ней!

Никто из них не подозревал, что за груз предстоит сопровождать. Бельчик и Барабан знали одно – важный, и если с ним в дороге что-то произойдет, не сносить обоим головы.

Саньч был информирован чуть больше, но не настолько, чтобы предположить, каким способом их будут отправлять на тот свет, если в дороге произойдет что-то из ряда вон выходящее. То, что результатом наказания будет смерть, ему дали понять еще в Самаре, но смерть бывает разная...

Он знал лишь то, что было ему положено знать, а именно: при любом раскладе, в случае нестандартных ситуаций, десять системных блоков «Pentium» из тридцати, под номерами с 4440020 по 4440030, должны быть у Хозяина не позднее завтрашнего вечера.

На всякий случай в его кармане лежали дубликаты обоих ключей от замков контейнера. Но это на всякий случай. По идее, Решетов сам будет присутствовать при разгрузке.

* * *

Николай Николаевич Гусев весь день чувствовал себя не в своей тарелке. Причиной послужил утренний звонок из Москвы. Курирующий его чиновник осторожно намекнул, что сегодня с ним встретится человек, деловым контактом с которым многие заинтересованы. Однако этим разговор ограничился. Кто этот субъект, как именно Гусев должен определить, что это именно тот, о ком его проинформировали, не уточнили.

За прошедший год, после выборов главой администрации одного из крупнейших районов области, Гусев часто задавался вопросом – зачем он сюда влез? Разве мало ему было пирога в виде десятка предприятий нефтяной и газовой промышленности? Всплыли в памяти слова куратора: «Район хороший... Модернизируешь пару больниц, отремонтируешь дороги, приподнимешь заводы... Раскрутишься, а там выборы в губернаторы не за горами. Стратегия».

Олигархи и криминальные сообщества бесцеремонно делили Россию, насаждая своих наместников. Новый президент, чувствуя это, еще год назад ввел полпредов. На что куратор только усмехнулся:

– Они тоже люди, да и президент скоро устанет.

Внезапно включился селектор.

– Николай Николаевич! – Голос секретарши заставил его вздрогнуть. – К вам генеральный директор акционерного общества «Мост» господин Решетов Дмитрий Иванович.

Поднявшись из-за стола, Гусев подошел к старинному книжному шкафу, занимающему все пространство от стены до стены, открыл дверцу. На его внутренней стороне было зеркало. Оно не было предусмотрено теми, кто столетие назад создал это произведение искусства, но Гусев, щепетильно относившийся к своей внешности, дал указание его установить.

Умные глаза, прямой нос, волевой подбородок... Однако синева под глазами – результат ночного скандала с женой – немного портила вид.

Поправив галстук, он вернулся к столу и, перегнувшись через него, нажал кнопку селектора:

– Пусть войдет.

Гусев много слышал об этом человеке. Нередко с ним сталкивался, однако его появление в стенах администрации насторожило.

Решетов держал мощную сеть магазинов стройматериалов по всему региону и был одним из крупнейших бизнесменов города.

Это был среднего роста мужчина с мужественным лицом, выглядевший на неполные сорок лет. Не успел он войти, как Николай Николаевич ощутил непонятную тревогу. Поднявшись из-за стола и изобразив при этом на лице радушие, Гусев указал на кресла, стоящие в углу кабинета. Их было несколько, глубоких, удобных, отделанных кожей. Между ними небольшой

стеклянный столик. Рядом рос огромных размеров фикус. Этот уголок он про себя называл «островком непринужденной беседы».

Решетов уселся у окна, закинув ногу на ногу. Гусев сел напротив, стараясь выглядеть спокойно. Но это у него не получалось. Закравшаяся непонятная тревога держала его в напряжении.

– Чем могу быть полезен?

– Не «чем могу», а «чем должен», – неожиданно и бесцеремонно поправил его гость, одновременно бросив на стол несколько фотографий.

Гусев осторожно взял их.

Ему было достаточно лишь взглянуть на снимки, чтобы мир перевернулся, а в глазах потемнело. К горлу подкатил комок, а воздуха стало катастрофически не хватать.

Он соскочил со своего места, потянув за отворот рубахи. На пол посыпались пуговицы. Галстук от этого передавил шею, ноги подкосились, и он вновь плюхнулся в кресло.

– Так что, братец, деваться тебе некуда, и говорить с тобой я буду без обиняков, – слышал он голос Дмитрия Ивановича, уже почему-то стоящего рядом и вливающего ему в рот из стакана воду.

Несколько минут сидели молча.

Решетов давал возможность Гусеву переварить увиденное.

На фотографиях был запечатлен его сын. Нет, не в обществе педерастов и проституток. Это он бы еще как-то пережил...

Все снимки были сделаны из укрытия, о чем свидетельствовали трава и ветви в поле зрения очень мощного объектива. Они красноречиво рассказывали о том, как его чадо, а именно Гусев-младший, Эдик, развлекается среди бела дня. На первом снимке девушка с распущенными волосами и ссадинами на лице лежит недалеко от ямы, которую роет парень с разбитым в кровь лицом. Рядом группа молодых людей. У двоих в руках пистолеты. У Эдика автомат.

Вот вторая фотография. Все те же люди. Только девушка стоит рядом с парнем, который уже закончил свою работу... Напротив – его сын! Целится...

Третий снимок. Трупы стаскивают в яму и присыпают землей.

– Это подделка, – выдохнул Николай Николаевич.

– Показать место захоронения? – усмехнулся Решетов.

Гусев поднял на него ничего не выражающий взгляд.

Дмитрий Иванович с нескрываемым любопытством разглядывал главу администрации, с удовольствием отметив про себя резкие перемены в его внешности.

Гусева словно только что вынули из петли: сизо-багровое лицо, слюна в уголках губ...

Насладившись переменами во внешности собеседника и убедившись, что тот снова начал соображать, Решетов продолжил:

– Они затащили их в машину по пути с набережной. Девушку звали Оля. – Он вновь посмотрел в расширенные от ужаса глаза собеседника. – Этот, расстрелянный твоим сыном парень, ее жених. Как водится, он заступился. Его тоже забрали. – Он вздохнул, будто бы сожалея о том, что парень оказался в машине. – Я не взял фотографий со сценами того, как эти недоноски насиловали девчонку и издевались над пацаном. На фоне того, что лежит перед тобой, они выглядят менее интересно. – Он засунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда листок, сложенный вчетверо. – Здесь адрес и место работы родителей девушки, которую убил твой сын, а это, – он достал вторую бумажку, – аналогичные данные по ее другу...

Гусев перевел наполненный ужасом взгляд с Решетова на листки.

Девушка была из обыкновенной семьи. Мать работала в школе учителем математики, отец – на заводе. Родители ее друга – железнодорожники.

– ...Скоро будет год, как обе семьи ведут поиски детей. Им известно, что те были вместе. Объявлен всероссийский розыск.

Гусев громко икнул. Спокойный голос собеседника постепенно привел его мозги почти в рабочее состояние.

– Что вы хотите от меня взамен... – он не договорил. Ему снова не хватило воздуха.

Отхлебнув из стакана остатки воды, при этом большую ее часть расплескав на себя, он устался на Решетова.

– Что я хочу? – Дмитрий Иванович театрально хмыкнул. – Посмотреть после 18 часов эти снимки и пояснения к ним на сайте «Самарского обозрения».

Несмотря на то что Гусеву было очень нехорошо, он все же заставил себя подняться.

– Я полагаю, что до этого времени мне будет предоставлена возможность обдумать предложения, которые дадут возможность спасти сына?

– И вашу репутацию, – добавил Решетов. Затем, уже с нескрываемой брезгливостью, кивнул на лежащие рядом фотографии. – Ежедневно в городе пропадают люди. Представь, какой будет резонанс.

Гусев, как ему казалось, находился на грани реальности. Предчувствие чего-то нехорошего, охватившее его с утра, оправдалось. Ничего хуже для себя он не мог и представить.

Николай Николаевич не знал, что в течение нескольких лет Решетов занимался сбором компромата на всех, кто так или иначе мог рано или поздно пригодиться. В его распоряжении имелся целый штат сотрудников. Все осуществлялось на высоком профессиональном уровне людьми, по разным причинам оставившими спецслужбы и даже криминалистические лаборатории.

С таким же успехом он мог довести до инфаркта и нагнать ужас на многих чиновников, занимающих ключевые посты в прокуратуре, милиции, городской и областной администрации. Здесь было все, от дачи взяток и сцен в саунах до сведения счетов с конкурентами. Весь материал записывался и фиксировался. Горы видео- и аудиокассет, фотографий, документов хранились на одной из загородных вилл.

Тем временем Гусев, окончательно взяв себя в руки, сел за стол и выжидающе устался на Решетова. Поднявшись со своего места, тот подошел к столу и, уперевшись в него руками, пристально посмотрел в глаза Николаю Николаевичу.

– Ты должен оказать небольшую услугу – помочь переправить в Гудермес один миллион долларов.

– Чеченцам? – И без того обескровленное лицо Гусева вытянулось от удивления. – Но ведь...

– Нет чеченцев, мордвинов, татар – есть россияне, – многозначительно подняв палец вверх, изрек Решетов. – Через месяц из города на смену убывает наш ОМОН. Через них организуешь гуманитарку, а вместе с ней и десять игрушек для администрации восстанавливающейся Чечни от благополучной администрации одного из районов губернии. Игрушки уже вышли из Москвы. Готовься.

* * *

За полдня сопровождения фура останавливалась всего один раз.

Ее водитель, выпрыгнув из кабины, на минуту отбежал в кусты, затем, вернувшись и бегло осмотрев машину со всех сторон, снова тронул вперед.

«Интересно, что в этих компьютерах?» – не давала Санычу покоя одна и та же мысль.

Он часто ездил сопровождать машины. В основном это был груз, шедший с юга. Но там было все по-другому, «гнали» наркоту.

План подобных операций продумывался до мелочей. Дорога разбивалась на участки, на каждый из которых назначался ответственный с десятком боевиков на быстроходных тачках. Время прохождения через милицейские посты рассчитывалось таким образом, чтобы в этот

момент на них дежурили свои люди. Водители были проверены и, зная о характере груза, наравне со всеми отвечали за него головой.

Здесь же все по-другому. Фура идет не с юга на север, а, наоборот, с севера на юг. С водителем тоже не все ясно. Как дал понять Санычу Решетов, дальнотойщик не знает, что в компьютерах, впрочем, и его он не стал в это посвящать, сославшись на опасность такой осведомленности. Санычу и его помощникам предстояло сопровождать «КамАЗ» до конечной точки. В небольшом городке Шацке, в одном из дворов, расположенном прямо у трассы, их ждала другая машина, запрошенная под завязку «девяносто девятая» модель.

«Груз не опасен, – прозвучали в голове слова шефа, когда он отправлял их на это дело. – Но упаси господь, если каким-либо придуркам придет в голову идея похитить компьютеры! Поэтому на остановках глаз с водителя не спускать. Если в аварию попадет, мало ли что в жизни бывает, десять системных блоков в любом виде, хоть на горбу, доставь ко мне, – с этими словами Решетов протянул Санычу документы. – В случае чего, ты – грузополучатель».

Дорога в этом месте была почти прямой, и Бельчик держался примерно в двух километрах позади автопоезда.

– Скоро половина пути, – заметил Саныч, глянув на промелькнувший указатель.

– Да, хорошо идет, – заметил Бельчик.

Сзади заерзал Барабан:

– А пожрать с собой не додумались взять?

Монотонность пути расслабила Саныча. Тревоги и волнения отошли на второй план. Он уже был уверен, что никаких сюрпризов сегодня не будет и «КамАЗ» благополучно прибудет к месту назначения.

При упоминании о еде он вдруг вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. На троих они высосали бутылку минеральной воды, прихваченную Бельчиком, и все.

Он прекрасно знал трассу. Через несколько километров должно было быть кафе «Придорожное», небольшая железная будка с маленьким окошком. Рядом с ним предприимчивый хозяин установил мангал.

Санычу показалось, что в салоне появился запах шашлыков. Он судорожно сглотнул слюну. Небольшая остановка не может повлиять на условия сопровождения. Бельчик быстро нагонит груженный «КамАЗ». Однако, решив хоть как-то уколоть Барабана, заметил:

– Что, дылдошка, проголодался? А большие дяди покормить тебя забыли.

Барабан набычился, при этом обиженно надув губы:

– Я могу и перетерпеть. В Чечне по несколько дней...

– Ладно, хватит тебе. Заладил про свою Чечню, спецназовец херов, – не отрывая взгляда от дороги, усмехнулся Бельчик. – Там небось поваром прослужил, а нам лапшу вешаешь.

Барабан побледнел от злости, но решил промолчать, отвернувшись в окно.

Спешно загрузив в машину три бумажные тарелки с шашлыками и прихватив в ларьке бутылку холодной колы, они вновь двинули в путь. Саныч немного нервничал. У «Придорожного» они потеряли около четверти часа.

Не теряя времени даром, оголодавшая компания принялась за еду. Несмотря на неудобства, Бельчик не отставал от своих пассажиров. Не отрывая взгляда от дороги, левой рукой ловко управляя машиной, свободной он забрасывал куски мяса в рот, обильно запивая их колой.

Саныч то и дело с опаской косился на спидометр, однако, зная, что сидящий за рулем человек, прежде чем связать свою судьбу с криминалом, представлял на международных автопробегах достижения российских автомобилестроителей, молчал.

Развязка наступила неожиданно. С жадностью глотнув из бутылки, высоко запрокинув голову, Бельчик поперхнулся. Сосуд с живительной влагой вылетел из рук, заливая одежду

коричневой жидкостью, от чего машину повело вправо, на обочину. Через секунду, несколько раз кувыркнувшись, «Опель» встал на крышу.

Глава 2

Из администрации Решетов вышел в возбужденно приподнятом настроении. Ответив улыбкой на брошенный в его сторону взгляд уже не молодой секретарши, он проследовал через приемную.

На улице бушевала весна.

Сбежав по ступенькам, он остановился, с удовольствием вдохнув в себя запах только раскрывшихся тополиных почек, прелой травы и еще чего-то такого, что на протяжении веков в это время года заставляет сердце человека биться сильнее, вызывает желание полета, подвига и любви.

Пройдя на автостоянку, он плюхнулся на заднее сиденье машины. Водитель, покосившись на него в зеркало заднего вида, терпеливо ждал указаний, без команды даже не заводя двигатель.

Тем временем Решетов размышлял, как отметить благоприятное завершение первого этапа операции.

В нем боролись два чувства. С одной стороны, суеверное опасение преждевременной радости, с другой – желание усилить праздничное настроение в обществе любимой женщины.

Он вынул сотовый и набрал московский номер.

– Соедините меня с Борисом Анатольевичем, – попросил он ответившую на звонок секретаршу.

– Господин Подковыркин на заседании Государственной Думы.

Чертыхнувшись, Решетов тронул за плечо водителя:

– Давай к Анюте.

Молча кивнув головой, тот повернул ключ в замке зажигания.

То, что Подковыркин плотно работает с чеченцами, Решетов знал давно, но его мало волновал этот вопрос. Выполняя его поручения и занимаясь транспортировкой оружия и наркотиков с Кавказа еще до первой чеченской кампании, он дал себе зарок не пытаться узнать больше, чем положено. Те, кто хотел разобраться, откуда это все берется в приграничных районах и куда направляется, как правило, долго не жили.

Дмитрий Иванович был средней величины шестеренкой огромного и сложного механизма, однажды запущенного и безостановочно работающего на протяжении многих лет. За все это время многие винтики и колесики этого монстра, пополнив списки без вести пропавших, взорванных в собственных автомобилях или застреленных в подъездах домов, были заменены на другие. Решетов держался. Более того, внутри системы он создал свой маленький механизм. Учрежденное им предприятие «Мост» прекрасно вписывалось в систему и давало возможность не только отмывать деньги, но и приносило немалую прибыль. Работа Решетова не осталась незамеченной Подковыркиным, и уже в начале весны тот обратился к нему с заманчивым, но рискованным предложением. Вообще, предложение – это обычная формальность. Иначе как приказ его нельзя было расценивать. Откажись он от участия в транзите денег, и его, как вышедший из строя винтик, просто-напросто заменили бы на другой.

Открыв двери Анютиной квартиры своим ключом, он вошел в прихожую и, разувшись, на цыпочках прокрался в комнату.

Анюта сидела в кресле спиной к входу, напротив телевизора, и наводила миниатюрной пилочкой маникюр.

Навалившись на нее сзади, Дмитрий Иванович игриво укусил ее за шею.

Вскрикнув от неожиданности, она рассмеялась.

Подхватив девушку на руки, шутливо рыча, он понес ее в спальню.

– Ну вот, – она обняла его за шею. – Не успел войти, сразу в норку...

– Я по тебе соскучился, – прохрипел Решетов, освобождая ее от халата, под которым, как всегда, ничего больше не было.

Она, лежа под ним, обхватив его длинными ногами, стала развязывать галстук и расстегивать пуговицы. Еще минута, и они с неистовством принялись ласкать друг друга. Сплетясь в одно целое с молодым, гибким, источающим необъяснимый, возбуждающий аромат телом, Решетов утонул в океане страсти.

* * *

Стремительно неслась навстречу машине ночь. Быстро темнело. Убаюкивающее урчание мотора стало больше напоминать колыбельную. Изредка, с щелчком о лобовое стекло, разбивались едва отошедшие от весенних холодов ночные жуки, выносимые встречным потоком воздуха. Принимая свет фар за маленькое солнце и с безумным желанием жить, они неслись, словно искры, навстречу своей гибели.

Неожиданно в освещенном коридоре, ставшем как бы продолжением его, Антона, мира, он увидел бредущего по дороге человека.

Сначала, подумав, что показалось, мотнул головой, чтобы рассеять видение, но это был не тот случай, когда утомленный водитель начинает дремать, одновременно видя дорогу. Человек не исчез. Напротив, по мере приближения стали различимы даже едва заметные складки на одежде.

Как правило, в такое время, да еще в одиночку, на пустынной трассе дальнбойщики не берут попутчиков из опасения стать жертвами разбойных нападений. Бандиты шли на разные уловки, чтобы вынудить остановиться многотонный автопоезд. Обычно приманкой служили симпатичные на вид девушки, однако после того, как машина останавливалась, они исчезали, уступив место свиноподобным, коротко стриженным «добрым молодцам». Но в этот раз что-то заставило Антона, поравнявшись с фигурой, нажать на тормоз.

Человек продолжал идти, понуро опустив голову. Засунув руки в карманы болоньевой куртки, он никак не отреагировал на остановившийся рядом «КамАЗ».

– Эй, тебе куда?! – стараясь перекрыть шум мотора, крикнул Антон, открыв дверь со стороны пассажира.

Крик его также был оставлен без внимания. Решив, что это – «ширнувшийся» наркоман, Антон сплюнул и уже хотел было захлопнуть дверь, как вдруг этот маленький, сторбленный человек, одетый в длинную, почти до колен куртку с накинутым на голову капюшоном, посмотрел на него. Филиппов обомлел – перед ним была девушка. Ее взгляд, полный отчаяния, безысходности и безразличия одновременно, поразил его. Он невольно поймал себя на мысли, что давно, с последней войны, не видел ничего подобного. Губы незнакомки были слегка поджаты, что придавало ее лицу скорбное выражение.

Остановившись, она посмотрела на него странным, ничего не выражающим взглядом.

«Привидение, что ли?» – промелькнула у Антона мысль, от чего по спине побежали мурашки. В голове всплыли рассказы старых водителей, походившие на сказки, о странных явлениях на дороге. Но все было так естественно и реально, что он отогнал эту мысль. Внешность незнакомки и ее взгляд красноречиво говорили о том, что с ней произошла какая-то беда.

Выйдя из машины, он попытался подойти ближе. Неуверенно ступая, она попятилась назад. От него не ускользнуло, что ее слегка пошатывает. «Может, пьяная?» – мелькнула мысль, и, подскочив, он схватил ее за плечи. Девушка попыталась вырваться, но сил хватило лишь на просящее, неловкое движение всем телом.

Опять ему стало не по себе. Опасаясь подвоха, огляделся. Но вокруг ничего нельзя было разглядеть. Они стояли в квадрате света, льющегося через открытую дверь кабины, к границам которого подступала крошечная темнота.

С грубой настойчивостью Антон увлек ее к машине и втолкнул в кабину. Она даже не освободила рук, хотя бы для того, чтобы схватиться за поручни.

– Что за чертовщина! – злясь, пробормотал он, захлопывая за ней дверь. – На сумасшедшую вроде не похожа.

Опять замелькали деревья, кусты, выхватываемые светом фар. Проехав немного, Антон попытался завязать разговор. Показав рукой на огоньки села, мерцающие вдаль, спросил:

– Тебе туда надо? – Однако, опуская руку, неожиданно для себя заметил, что она вздрогнула и отпрянула, съездившись.

– Да, видно, досталось тебе... Рефлексы, как у забитой собачонки, которая шарахается, даже когда ее хотят погладить. А может, чего натворила?

Ни слова в ответ.

Какое-то время ехали молча. Антона стало раздражать ее молчание.

– Есть хочешь? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, съехал на обочину, заглушил двигатель. Внезапная тишина наполнила кабину. Стараясь не делать резких движений, чтобы не испугать странную попутчицу, он достал пакет с ужином и термос, одновременно вслух комментируя свои мысли:

– Вот сейчас перекусим, а машина пока отдохнет. Спешить некуда, все равно разгрузка уже утром.

Девушка сидела, опустив голову так, что подбородок и нижняя губа исчезли в воротнике, исподлобья глядя перед собой.

Накрыв между ней и собой импровизированный стол, используя вместо скатерти газету, разложив ее прямо на сиденье, он протянул ей кружку с горячим кофе:

– Бери, не стесняйся! Можешь и дальше молчать, я не обижусь, но вот если не поешь, то это уже совсем плохо!

Растерянно, все еще с недоверием, она взяла из его рук кружку и сделала несколько мелких глотков.

– Уже прогресс, – улыбнулся Антон.

Затем протянул бутерброд. Осторожно, немного смутившись, она взяла и его.

– Ну вот, вообще прекрасно! Не стесняйся, курицу бери, яйца, на меня не смотри, я за рулем ночью не ем, в сон клонит. – Говоря это, он одновременно обратил внимание, что она как-то пристально следит за его губами, а в конце едва заметно кивнула головой.

Обрадованный появившейся надеждой на общение, он воспрянул духом:

– Зовут-то тебя как? – и, спохватившись, представился: – Меня – Антон.

Смутившись, девушка осторожно поставила сбоку от себя кружку, достала из кармана ручку с небольшим блокнотом и, что-то написав в нем, протянула ему.

Четким, каллиграфическим почерком на нем было выведено: «Регина».

Филиппов опешил, догадавшись, почему она пристально наблюдает в момент разговора за его лицом, до сих пор не проронив ни слова, – глухонемая!

Возникло неловкое молчание.

Догадавшись, когда она поест, и убрав остатки ужина в пакет, стал размышлять, как быть.

«Везти ее в Самару? А вдруг она из окрестных сел! Потом хлопот не оберешься, еще и с родителями объясняться. Может, она убежала из дома? И вообще, на кой черт ее подобрал, шла бы своей дорогой!» Но, взглянув на нее, вдруг застыдился своих мыслей и опустил глаза, испугавшись, что девушка догадается, о чем он подумал.

– Куда ты шла? – Антон испытующе посмотрел ей в глаза и для большей уверенности добавил: – Где твой дом?

В ответ Регина замотала головой, затем, сняв капюшон, вопросительно уставилась на него.

Она оказалась блондинкой. Длинные волосы были заправлены под куртку.

– Не поняла?

Она кивнула.

Невольно он замолчал, загипнотизированный взглядом ее зеленых глаз, смотревших на него из-под длинных ресниц.

Не выдержав бесцеремонного разглядывания, Регина смутилась и протянула ему блокнот.

* * *

Кувырок в машине показался Санычу сном. Все произошло так стремительно и быстро, что он даже не успел испугаться. Ощущение было таким, как будто не машина, а земля, резко накренившись, плавно легла на крышу «Опея», с которой сразу же свесились, заглядывая в салон через лобовое стекло, одуванчики и молодая трава. Но через мгновение, когда все трое, в невероятных позах, подчиняясь силе всемирного тяготения, упали на крышу, мгновенно ставшую полом, его охватила паника.

Салон резко заполнил запах бензина.

С трассы стали доноситься скрипы тормозов, захлопали двери машин, водители которых бросились на помощь.

Неестественно завернув голову назад, Бельчик странно дергался, испуская ужасные хрипы.

Барабана перебросило через спинки сиденьев, и он копошился вместе с Санычем, мешая тому дотянуться до дверной ручки. Сплетенные в непонятный клубок из рук и ног, в самых невероятных позах, они пытались быстрее выбраться наружу. Причем делали это молча.

Наконец Барабану удалось развернуться ногами к двери и с силой ударить по стеклу. Однако мягкие подошвы кроссовок и неудобное положение свели его старания на нет.

Снаружи копошились люди. Одни пытались открыть двери, другие то ли камнем, то ли еще чем-то выбивали стекла со стороны водителя.

Наконец в салон ворвался поток воздуха, и Бельчика поволокли из машины.

– Во влипли! – выдохнул, оказавшись снаружи, Саныч, даже не удосужившись поблагодарить людей, которые помогли ему покинуть салон «Опея».

Сначала он направился в сторону лежащего на земле Бельчика, вокруг которого суетился какой-то мужчина с аптечкой, затем, развернувшись, бросился к трассе. Выскочив почти на ее середину, повернул обратно и неожиданно столкнулся с Барабаном.

С перепачканным кетчупом лицом, рассеянно озираясь, тот брел навстречу.

Как ни странно, но растерянный вид попутчика отрезвил Саныча. Он наконец окончательно взял себя в руки.

– Иди сюда, придурок! – сквозь зубы, едва слышно сказал он Барабану, хотя тот и так находился рядом.

Барабану ничего не оставалось делать, как подойти вплотную.

– Вот что, – вполголоса начал Саныч, одновременно, через плечо, наблюдая за человеком, возившимся с Бельчиком. – Линять надо... Сейчас менты понаедут, и мы здесь надолго застрянем.

Услышав про милицию, Барабан еще сильнее побледнел.

– Волына в машине...

– К машине больше не подходи. Мы случайные пассажиры. Сели у «Придорожного», понял?

Барабан утвердительно кивнул, с трудом переваривая сказанное Санычем.

– Не волнуйся, никто проверять ничего не будет, – успокоил его Саныч. – Обычное ДТП. Нужны мы им сто лет. Пушку не найдут. Сообщим шефу, «родственники» машину заберут,

тогда и посмотрим... Сейчас я сделаю вид, что мне плохо, а ты меня возьмешься везти в больницу.

– А Бельчик? – Барабан удивленно захлопал глазами.

– Сдается мне, что этот пес за нами уже сверху наблюдает. – Саныч бросил осторожный взгляд в сторону безжизненного тела, лежащего на земле, и стоящих вокруг него людей, уже не предпринимающих попыток оказать помощь.

Кроме пистолета, в бардачке остался второй сотовый телефон, с номера которого Саныч должен был оповестить Решетова о смене машины, а в случае непредвиденных обстоятельств – сообщить и о них.

* * *

С наступлением ночи трасса опустела, поэтому Филиппов гнал на всю катушку, по самой середине. Однако через некоторое время заметил, что Регина засыпает. Опять пришлось остановиться. Отодвинув позади сиденьев шторку, отгораживающую от кабины спальник, он кивком указал ей на него.

Сонно улынувшись в ответ, она осторожно ступила ногой на сиденье. Непроизвольно Антон задержал взгляд на стройной, обтянутой слегка вытертыми джинсами, ноге. Девушка замерла. Догадавшись, что могло прийти ей в голову, дружелюбно успокоил:

– Не бойся, дуреха, спи, – и для пущей убедительности, включив передачу, опять тронул машину.

До рассвета оставались считанные часы, когда они подъехали к дому. От внезапно прекратившейся вибрации, возникшей после остановки двигателя, Регина проснулась.

– Все, приехали! – с этими словами Антон выпрыгнул наружу, прихватив с собой только дорожную сумку, в которую, пока девушка выбиралась из спальника и окончательно просыпалась, он скидывал кое-какие вещи.

Как всегда, на лестничных площадках света не было. Поднимаясь на свой этаж и осторожно придерживая ее за локоть, он чувствовал, что беднягу бьет озноб.

«Бойтся, дуреха! И ведь не успокоишь никак, не услышит. Еще темнота такая, хоть глаз выколи».

На пороге возникла заминка. Регина остановилась перед открытыми дверями и испуганно замотала головой, не желая входить.

Улынувшись, он взял ее за руку и почти силой увлек следом за собой, показав ванную комнату, кухню, затем спальню. Заметив охватившее ее волнение, особо подчеркнул:

– Ты будешь спать здесь, – Антон кивнул в сторону кровати, – а я, – он ткнул себя в грудь пальцем, – вон там, на диване.

Она закивала, давая понять, что ей все ясно. Затем, положив на столик махровый халат, некогда принадлежавший жене, он направился на кухню готовить ужин, который уже можно было считать завтраком.

* * *

Санычу и Барабану в этот день явно не везло. Машина, которую они остановили возле места аварии, как оказалось, ехала не по пути, и на первой развилке им пришлось выйти.

Здесь же все попутки были либо заполнены до отказа, либо проносились мимо, игнорируя двух подозрительных и яростно голосующих мужчин.

Наконец их подобрал автобус, везший нефтяников-вахтовиков.

В результате в Шацке они оказались лишь под вечер, вымотанные и злые. Забрав машину, сразу двинули в путь.

Саныч тешил себя надеждой, что все обойдется. Ночью «КамАЗ» разгружаться все равно не будет, а к утру они с Барабаном, как ни крути, будут на месте и сделают вид, будто бы не спускали со злосчастной фуры глаз.

– Завтра, на разгрузке, – Саныч выдержал паузу, обгоняя попутную машину, – не вздумай ляпнуть, что мы теряли «КамАЗ».

Барабан бросил на него настороженный взгляд и утвердительно кивнул головой.

– Объясняться буду я, – продолжал Саныч. – Скажем: как перевернулись, сразу нашли тачку и рванули следом за фурой. Водителю дали сто баксов. Это для убедительности.

Машина была оформлена на Саныча, поэтому, спокойно минуя все посты ГИБДД, около двух часов ночи они добрались до автобазы. Припарковавшись напротив въездных ворот, по другую сторону дороги, он заглушил двигатель.

– Ну а что дальше? – заволновался Барабан.

– Дальше? – Саныч весело подмигнул ему и усмехнулся: – Спать до открытия. Если бы что с машиной случилось, мы бы ее нашли на трассе. Здесь она, – уже зевая, добавил он и принялся опускать спинку сиденья.

Сон был прерван легким стуком в окно.

Открыв глаза, Саныч увидел лицо своего помощника из службы безопасности Решетова. Убедившись, что шеф проснулся, тот едва заметно кивнул в сторону въездных ворот, неподалеку от которых они припарковались ночью. Сунув ноги в туфли, Саныч вышел из машины, на всякий случай толкнув в плечо Барабана:

– Не забудь, что я тебе вчера говорил.

– Не забуду, – обиженно буркнул тот и полез следом.

Решетов стоял у своего «БМВ», оперевшись на открытую дверь левой рукой. Еще на полпути Саныч понял, что шеф явно не в духе.

«Переживает из-за Бельчика, – мелькнуло в голове. – Интересно, откуда успел узнать?»

Однако чем ближе он подходил к хозяину, тем тревожней становилось у него на душе.

Решетов выглядел по меньшей мере плохо. Казалось, за эти несколько дней он состарился на добрый десяток лет.

Бледное, осунувшееся лицо, отрешенный взгляд, расслабленный, висящий на уровне второй пуговицы, галстук...

– Где машина?

Саныч, вздрогнув, внимательно посмотрел в глаза патрону и ужаснулся. Ничего, кроме дикой злобы, там не было.

– Ладненько, – Решетов зло сплюнул. – В офисе пообщаемся.

Кто-то настойчиво подтолкнул его в спину, и через мгновение он оказался на заднем сиденье автомобиля хозяина...

О том, что его люди попали в аварию, Решетов узнал под утро.

Об этом его проинформировал зам. начальника ГИБДД области. С его слов стало ясно, что мужчина, находящийся за рулем, не справился с управлением и, съехав с проезжей части, перевернулся. Находящиеся с ним двое пассажиров исчезли с места аварии.

Дмитрия Ивановича несколько не волновало то, что Бельчик скончался в результате перелома основания черепа. Его интересовало одно – сумели ли Саныч и Барабан осуществлять контроль за грузом после аварии или отстали.

Однако все тот же человек успокоил: в полночь «КамАЗ» был зарегистрирован при въезде в город. После этого звонка Решетов сразу стал собираться на базу. Но там Дмитрий Иванович узнал от дежурного охранника, что за ночь пришли всего две машины и обе из Екатеринбурга.

Сейчас перед ним стояли двое кретинов, которым повезло намного меньше, чем Бельчику.

Барабан, низко опустив голову и тупо уставившись себе под ноги, сильно сопел.

Саныч, исчерпав все слова в свое оправдание, отвернулся в окно. Его заметно трясло.

– Почему не сообщили мне? – Решетов тяжело поднялся из-за стола и подошел ближе.

– Телефон остался в перевернутой машине...

– А голова там не осталась, мудака?!

Со всего размаха он вlepил ладонью с растопыренными пальцами ему в подбородок.

Саныч, несмотря на возраст, хорошо владел своим телом. До последнего момента он мог уклониться, уйти от удара, но побоялся окончательно вывести Решетова из себя.

Отлетев на несколько шагов, он прикрыл нижнюю часть лица рукой.

– Не надо, я найду машину.

– Без тебя уже нашли. Только ее уже кто-то разгрузил.

Саныч удивленно, испуганно посмотрел на Дмитрия Ивановича:

– Как... Кто разгрузил?

– Не знаю пока кто. – Решетов отошел к окну. – Но найду...

Затем каким-то странным, задумчивым взглядом посмотрел сначала на одного, затем на другого виновника обрушившегося на него несчастья и вздохнул:

– На вашем примере я покажу остальным, что такое спустя рукава выполнять работу, порученную мной...

Саныч знал, что слов на ветер этот человек не бросает. Два года назад на его глазах в лесополосе недалеко за городом залили серной кислотой связанного по рукам и ногам человека, преемником которого он стал. Вылив несколько литров на лицо, руки и ноги, его закопали. Так закончилась история с неудачной переброской наркотиков из Оша.

Не раздумывая, Саныч бросился к окну, но было поздно. Охранники, стоящие сзади, схватив за плечи, повалили его на пол. Лязгнули наручники.

Барабан, отступив на несколько шагов назад, во все глаза смотрел на происходящее.

– Ты, голубь, – Решетов перевел на него задумчивый взгляд, – приведешь приговор в исполнение...

Спустя несколько часов раздетый до пояса человек, с распухшим лицом и синими кровоподтеками на теле, уже не похожий на того Саныча, с умным взглядом и аккуратной прической, сам себе рыл могилу неподалеку от того места, где покоился его предшественник.

Метрах в десяти стоял Барабан с десятилитровой канистрой в руках. Его глаза были наполнены ужасом. Их окружили молчаливые амбалы из охраны. У них был приказ хозяина – сжечь заживо...

* * *

Проснулся Антон Филиппов ближе к обеду. Какое-то время не мог понять, почему спит в зале, а не в спальне. Лишь когда его взгляд остановился на стоящем напротив кресле, в котором с ночи остался лежать свитер Регины, все вспомнил.

Не раздумывая, поднялся с дивана.

В голове слегка шумело, а в ногах была слабость. Это состояние он испытывал почти каждое утро, на следующий день после поездки. То ли мозг, утомленный длительным недосыпанием, чересчур расслаблялся, то ли сказывались последствия контузии, полученной под Гудермесом. Так или иначе, некоторое время он плохо сообщал.

Приняв душ и заварив кофе, Антон уселся возле кухонного окна и закурил. Через некоторое время едва слышно скрипнул паркет. Щелкнул выключатель в ванной. Зашумела вода. Это послужило ему своеобразным сигналом готовить уже более основательный, чем кофе с бутербродом, завтрак. Поставив сковороду на газ, Антон достал несколько яиц и пакет молока.

Увлеченный приготовлением омлета, он не сразу заметил появление Регины.

Запоздало ответив на улыбку девушки гримасой дружелюбия и радости, Антон быстро накрыл на стол.

Ели молча. Да и как можно изъясняться с глухонемым человеком во время еды. Регина вела себя более свободно, и уже не было в ее взгляде ни тени страха.

Покончив с поздним завтраком, Антон позволил ей похозяйничать на кухне, посчитав, что это лучший способ на время занять девушку, и вышел на балкон.

День вступал в полную силу. Несмотря на то что на дворе стояла лишь середина мая, солнце палило по-летнему. В ветвях тополей, росших вдоль дома, разминали свои голосовые связки воробьи. Откуда-то сверху доносилось воркование голубей.

Он опустил взгляд к подъезду, где ночью оставил «КамАЗ», и в тот же момент почувствовал, как пересохло в горле, а изнутри обдало жаром. Задние двери контейнера были настежь открыты, внутри же не было видно ничего, кроме пустоты...

– ...Значит, так. – Следовательно, представившийся в самом начале беседы Навродским Геннадием Ивановичем, положил перед Антоном протокол допроса. – Вы утверждаете, что ни о характере перевозимого груза, ни о том, что в эту ночь не будете отгонять машину на склад, никому не говорили?

Вместо ответа Филиппов покачал головой.

Милиционер встал и, обойдя вокруг стола, уселся на стул перед ним.

– Понимаешь, дружище, все как-то нескладно получается...

– Вы считаете, что я это специально подстроил?

Антон посмотрел ему в глаза, пытаясь угадать, так ли думает этот человек.

Навродский был с ним примерно одного возраста, но форма делала его немного старше.

– Я так не думаю. И от этого мне тебя вдвойне жалко.

На какое-то время Антону стало легче. Но потом до него дошло:

– Вы хотите сказать...

– Я сам понимаю, что тридцать коробок с компьютерами – не иголка, – перебил его следователь. – Но не в наше время. Ни одного свидетеля, как ты понимаешь, нет. – Он тяжело вздохнул и прикурил очередную сигарету. – Единственно, что удалось установить, это марку машины, в которую перегружали груз, но по следам протекторов номера не определить.

Антон в сердцах ударил по колену кулаком. Навродский протянул ему пачку «Петра».

С минуту оба молчали.

– Не хотел тебе говорить, – он отвел взгляд в сторону, – но грузополучатель...

– Решетов, – встрепнулся Филиппов.

– Да, Решетов, – Навродский утвердительно кивнул, – дал понять, что окончания расследования ждать не будет, а требует долг с тебя... – Он потер мочку уха, словно она у него замерзла, и пристально посмотрел Филиппову в глаза: – Если наедут, лучше обратиться к нам.

– Его понять можно. – Антон облизнул пересохшим от волнения языком губы. – Как ни крути, я виноват. Нужно было машину гнать как положено, не к дому, а на базу.

– Чего же ты так?

Неожиданно в кабинет вошел невысокий, коротко стриженный парень.

«Опер», – мелькнуло в голове у Антона, который наметанным глазом определил, что под левой рукой у того куртка слегка оттопырена.

Бросив взгляд на Филиппова, тот подошел к следователю и что-то шепнул тому на ухо.

Лицо Навродского вытянулось от удивления. Он медленно перевел изумленный взгляд с вошедшего на Филиппова.

Антон напрягся.

– По-моему, дело принимает другой оборот. – Навродский вернулся на свое место и вновь пристально посмотрел на Филиппова. – Ты точно никому дорогу не переходил?

– Да что в конце концов случилось?

Антон начал злиться.

– У тебя в кабине машины обнаружена повешенная на леске крыса...

– Да ну!

– Вот тебе и ну! Мало того, другой конец лески был привязан к кольцу гранаты «Ф-1», установленной под сиденьем водителя...

Глава 3

Солнце еще не опустилось за горизонт, освещая верхние этажи высотных зданий, но в городе было уже сумрачно.

Филиппов, погруженный в свои мысли, возвращался домой пешком. Вопреки логике за всю дорогу он ни разу не вспомнил об основном и далеко не приятном событии дня. Голова была занята другим. Войдя сегодня в кабинет следователя, Антон с трудом подавил в себе радостное восклицание, одновременно поймав себя на мысли, что жизнь на гражданке его заметно расслабила и он едва контролирует эмоции. Перед ним сидел уже хорошо знакомый ему человек, который, к сожалению, ответить взаимностью не мог. Немудрено. Когда им суждено было встретиться впервые, Филиппов не снимал черной, с прорезями для глаз и рта маски не только при контакте с боевиками, но и общаясь с незнакомыми ему людьми, воевавшими даже по одну сторону баррикад.

Мысленно он перенесся во времени.

– В Толстой-Юрте блокирована работающая там следственная бригада от МВД, – майор Коновалов, командир группы, ставил задачу на ходу к поджидающему их «БТРу». – Взвод мотострелков, сопровождающий их, несет большие потери. Задача – деблокировать школу, в которой они сейчас находятся, и обеспечить им выход за пределы аула в направлении горы Ястребиная...

Пока бронегруппа армейцев оттягивала на себя основные силы боевиков с севера, спецназовцы пробивались к зданию школы с тыла.

Это было одноэтажное, похожее на барак и наполовину разрушенное сооружение, рядом с которым горела «БМП» прикрытия. Вторая машина, въехав задом в жилой дом, безнадежно застряла в его развалинах.

Из-за шума стрельбы и разрывов «чехи» не сразу поняли, что у них в тылу противник. Воспользовавшись внезапностью, спецназовцы расчистили путь для выхода из окружения и, рассредоточившись по границам коридора, начали обеспечивать отход.

Тогда и обратил внимание Антон на представителя правоохранительных органов, который выделялся среди своих коллег умением профессионально вести бой. Он не задерживался долго после выстрела на одном месте, стрелял короткими очередями, не суетился. Окончательно милиционер убедил Филиппова, что в МВД он пришел, уже имея опыт боевых действий, когда, заведя уцелевшую машину, медленно повел ее из зоны прицельного огня боевиков, давая возможность выходящим из окружения бойцам прикрываться от пуль корпусом машины. Конечно, в этой ситуации большую опасность представляли обычные ручные гранаты, но огонь спецназа не подпускал боевиков на расстояние их броска.

В конце концов, уже на выезде, третью «бээмпэшку» тоже достали, а Навродского, раненого в спину и тяжело контуженного, выносили к «вертушкам» на себе.

Антон уже подходил к дому, когда его вдруг охватила непонятная тревога, а сзади раздался надрывной звук приближающегося на большой скорости автомобиля. Обернувшись, он увидел несущуюся прямо на него белую «семерку». Какой-то доли секунды хватило на то, чтобы разглядеть водителя и сидящего на переднем сиденье пассажира. Окаменевшие от напряжения лица красноречиво говорили о том, что тормозить они не собираются.

Дорога, шириной чуть больше габаритов автомобиля, проходила вдоль дома, где он жил. Справа и слева от нее, на газонах, среди зарослей акаций и тополей, под неусыпным надзором о чем-то переговаривающихся на скамейках старушек, играли дети. Отпрыгнуть в сторону означало вынудить водителя сменить направление движения, выехать за ним на газон, и тогда неизвестно, куда дальше понесет автомобиль.

До машины оставалось несколько метров. Оттолкнувшись от земли правой ногой, он запрыгнул на ее капот. Его тут же перевернуло в воздухе и бросило на крышу. Изловчившись, он перекатился через «жигуленок». Едва коснувшись пыльной поверхности асфальта, опять же, перекатом, смягчил удар. Несмотря на это, какое-то время ему казалось, что его тело разлетелось на части.

«Только бы не вернулись», – с ужасом подумал он. Но габаритные огни «семерки» уже скрылись за поворотом.

Раздались крики. Послышался топот бегущих людей. Антона окружили плотным кольцом любопытные, однако никто не пытался оказать какую-либо помощь. Все ограничивались вздохами сочувствия и бранью в адрес наехавших на него негодяев.

Больше всего он сейчас боялся встать. Не дай бог, что-то переломано.

Сильно болели колени, локти и левое плечо, на которое пришелся основной удар, когда его перебросило с капота на крышу автомобиля.

Антон осторожно начал подниматься. В голове гудело.

Скрипнув от злости зубами, он неожиданно почувствовал, что кто-то подхватил его под руку и помогает. Медленно развернувшись, увидел Регину.

«Как она узнала, неужели сидела у окна?» – про себя удивился Антон и не без ее помощи выпрямился полностью.

Кости, слава богу, оказались целы. Однако сильных ушибов избежать ему не удалось.

С трудом приняв душ, одновременно усмехаясь про себя над режиссерами боевиков, где главные герои после подобных встреч на дороге еще могут драться и бегать, направился в зал.

Регина сидела на диване. Перед ней, на небольшой пластиковой табуретке, принесенной с кухни, стояла бутылочка йода, рядом с которой лежал кусок ваты.

Антон поморщился:

– Ну вот еще. Разрисовать меня хочешь?

По-видимому, догадавшись, о чем он говорит, она улыбнулась, встала со своего места и, усадив его, принялась осторожно обрабатывать раны.

От ее прикосновений по телу пробежала дрожь. Его охватило странное волнение.

Связав это чувство с долгим ведением монашеского образа жизни, он постарался отвлечься, принявшись размышлять над своим положением, однако Регина скоро оторвала его от этого занятия. Покончив с оказанием первой помощи, она направилась на кухню, увлекая его следом.

Здесь его ждал приятный сюрприз в виде изумительного борща и запеченной в духовке курицы, вынудивших на какое-то время забыть о неприятностях.

Допив чай и уже не обращая внимания на Регину, которая, собрав со стола посуду, возилась у мойки, он подошел к зеркалу.

Лицо практически не пострадало. Слегка ободрана переносица, да на виске была едва заметная ссадина.

Обращаться в милицию по поводу случившегося он не собирался. Наверняка перед наездом поменяли номера или эта машина в угоне, и после всего ее оставили в каком-нибудь глухом двореке.

Через час он уже был на другом конце города у рюмочной, где зачастую проводил вечера Еж, он же Ежов Сергей, бывший прапорщик, с которым около двух лет они прослужили вместе.

Войдя внутрь, Антон на какое-то время даже задержал дыхание.

В небольшом зале, всего на несколько столиков, было так накурено, что сквозь сизую пелену сигаретного дыма можно было с трудом детально разглядеть посетителей. В разогретом воздухе плавали пары алкоголя, а в горле запершило от запаха чего-то перекисшего.

Таких заведений в городе было немало. Они пользовались большой популярностью у людей самых малообеспеченных слоев населения. Здесь рекой лилась дешевая водка, приве-

зенная либо из Осетии, либо изготовленная кустарным способом прямо здесь же, в городе, по неизвестным технологиям. Эти рюмочные существовали до тех пор, пока у хозяина хватало сил и средств заминать дела в налоговой инспекции, милиции и санэпидстанции.

Еж сидел за столиком у окна в компании двух мужиков, по виду намного старше его. Однако, внимательней рассмотрев их лица, Антон понял, что эти парни, по сути, его ровесники, просто имеющие гораздо больший стаж употребления горячительного...

Ежову было около тридцати лет, однако, несмотря на периодические запои, выглядел он значительно моложе. Наверное, большую роль играл тот факт, что он никогда не курил, а в перерывах между недельными пьянками занимался спортом. Роста Сергей был небольшого и едва доставал Филиппову до подбородка, но этот недостаток с лихвой компенсировался его шириной в плечах. Он около двенадцати лет провел на борцовском ковре, о чем красноречиво говорили его поломанные и несуразно торчащие уши. Голубые глаза излучали какой-то отталкивающий холод, а взгляд их никогда ничего не выражал. По ним невозможно было определить его внутреннее состояние.

Антон подошел к столику.

Увидев его, Еж расплылся в радостной улыбке:

– Вот так встреча! Филя, я только вчера тебя вспоминал, – не выпуская руки Антона из своей широченной ладони, он повернулся к своим собутыльникам и, уже обращаясь к ним, радостно сообщил:

– Вот про этого мужика я вам рассказывал.

Те, в свою очередь, с деланным восхищением на уже захмелевших физиономиях, протянули для знакомства руки:

– Максим. Можно Макс...

– Федор...

Антон с едва скрываемой брезгливостью ответил на рукопожатия. Пожелтевшие от никотина пальцы и грязь под ногтями, как у любого нормального человека, не вызвали у него ничего, кроме отвращения. Внешность дружков Ежа говорила о том, что если они еще не доказались до самого дна, то делают это с завидным упорством.

Антон перевел взгляд на друга:

– Серега, поговорить надо.

– Так кто мешает? Все свои. Садись да говори сколько хочешь, – неожиданно встрял в разговор парень, назвавший себя Максимом.

– Тебя не спрашивают, где садиться, а тем более кто свои, а кто чужие! – резко оборвал его Антон.

– Ты что, быковать сюда пришел? – обиженно надул губы второй пьянчужка.

– Еж, выкинь этих синяков отсюда, иначе... – Антон бросил на них оценивающий взгляд, – ...я их покалечу.

Еж отвел взгляд в сторону.

– Мужики, давайте за другой стол, – и, вытянув из заднего кармана брюк пятидесятирублевую купюру, протянул им. – Я скоро к вам подсяду.

Две грязные руки потянулись за синей бумажкой. Глаза Макса и Феди заблестели.

Вскипев, Антон схватил их за липкие воротники и рванул в сторону выхода. Оба парня вылетели из-за стола и, пробежав несколько метров, плюхнулись на пол.

В зале воцарилась тишина. Все взоры были устремлены в сторону Филиппова. Видимо, Федор и Макс были здесь частыми гостями и имели в «своих» кругах определенный авторитет. На Антона с неприязнью уставились десятки пьяных глаз.

Не обращая ни на кого внимания, Антон обратился к безучастно сидевшему Ежову:

– Пойдем отсюда.

Давая понять, что сейчас выйдет, Сергей, кивнув, потянулся к стакану.

Антон опередил его, вылив водку на пол.

– Я с пьяными вопросов не решаю.

Тяжело вздохнув, Еж поднялся со своего места.

Они молча прошли несколько кварталов, затем, свернув во двор новостроек, устроились на скамейке.

– Говори, – с каким-то отрешенным видом пробормотал Ежов.

Антон вкратце пересказал события последних суток.

– И что требуется от меня? – Еж выжидающе уставился на Филиппова.

– Займи денег.

Тот хмыкнул:

– У меня осталось долларов восемьсот, тебе же, насколько я понимаю, нужно почти десять штук.

– Хочу поменять квартиру, – Антон тяжело вздохнул. – Двухкомнатную на однокомнатную, с доплатой...

– Еще трешка, – Еж загнул пальцы. – Где собираешься взять остальные шесть?

– У меня есть тольяттинский адрес Турова...

– Все, можешь не продолжать, – перебил его Ежов. – Толик тебе не поможет.

– Это почему? – Антон удивленно уставился на собеседника.

Сергей неопределенно пожал плечами и отвернулся.

– Что, уже успел потратить? – продолжал допытываться Филиппов.

– Он, как приехал, на иглу подсел. – Ежов на некоторое время замолчал. Затем, выдержав паузу, ошарашил: – СПИД у него...

Филиппова обдало жаром. Туров был в их группе снайпером. Невысокого роста парень, с открытым и добродушным лицом, часто был объектом беззлобных шуток. Еще его называли человеком, притягивающим неприятности. Если по одному и тому же месту, при переходе, например, через реку, по тонкому льду проходило десять человек, даже намного тяжелей, чем он, лед почему-то проваливался именно под ним. Неужели и здесь ему также не везет?

– Как это СПИД? Откуда ты знаешь?

– Мы, Антон, в отличие от тебя, обещания выполняем и на первое января встречаемся.

Филиппов сконфузился. По возвращении из последней командировки договаривались встречаться каждый год у Ежа...

– Я в рейсе был, – попытался он оправдаться, но Еж положил ему на плечо руку.

– Да ладно, больше половины не приехали. – Затем, откинувшись на спинку скамейки, зевнул. – Возвращением долга проблем не решишь.

– Это почему? – Антон удивленно посмотрел в глаза Сергея.

Тот, усмехнувшись, наклонился ближе:

– Тебя не за долг замочить хотят, и, по всей видимости, даже люди эти не из той конторы, куда ты вез груз.

Филиппов больше не сводил глаз с Ежова. До него самого наконец стало кое-что доходить.

– Убив тебя, им не с кого страсти бабки, – между тем продолжал тот. – Они, наоборот, тебя сейчас как курицу, несущую золотые яйца, беречь будут. Правда, – он поднял палец вверх, – до поры до времени.

Глава 4

До отправки батальона ОМОНа в Чечню, вместе с которым должны были уйти компьютеры, начиненные деньгами, оставалось чуть больше двух недель.

Уединившись у себя в кабинете, Решетов вновь и вновь прокручивал в голове разговоры, встречи, события, в общем все, что так или иначе было связано с переброской груза из Москвы, но не находил никаких проколов, которые могли бы вызвать утечку информации. Подвергнутый тщательному техническому осмотру «Опель», с аварии которого все началось, оказался исправным, и версия подстроенной автокатастрофы отпала.

О том, что находится в контейнере, а именно – в десяти системных блоках «Pentium», знал он один. В Москве круг лиц, причастных к этому, ограничивался несколькими представителями чеченской диаспоры, которым его порекомендовал Подковыркин. Даже Саныч, практически всегда посвященный в его дела, на этот раз не имел ни малейшего представления о характере груза. Такая скрытность объяснялась не столько работой спецслужб, которые пытались перекрыть финансовые потоки, подпитывающие боевиков, сколько опасениями Решетова, что у кого-либо из допущенных к операции людей может проснуться чувство патриотизма.

Ему и самому было не особо приятно отправлять на войну, по сути дела врагу, деньги, которые в скором времени превратятся в оружие, боеприпасы, зарплату боевикам и иностранным наемникам, убивающим, калечащим россиян. Но страсть к наживе и благополучию была сильнее любых чувств. Это он понял еще в начале своего жизненного пути, когда бросил любимую девушку Наташу, жившую с матерью-инвалидом в комнате, расположенной в полуподвале старого, дореволюционной постройки дома, женившись на мужеподобного вида, почти уродливой Ангелине Петровне, дочери секретаря обкома партии. Патриотизм он оставит на потом... Что он будет иметь сейчас, если станет принципиальным? Деньги все равно попадут по назначению, ничего не изменится, а бешеные комиссионные лягут в карман более ушлому человеку.

За размышлениями он не заметил, как наступил поздний вечер. Окружавшие его предметы, медленно погружившись в темноту, приобрели причудливые, размытые формы.

Почти бесшумно в кабинет вошел Мальцев. Скользя по сторонам взглядом, он замер у двери, боясь шевельнуться.

Заметив его нерешительность, Решетов усмехнулся и включил настольную лампу.

– Проходи, Константин Максимович, – указал он на стулья, расположенные вдоль стола для совещаний.

Мальцев прошел через кабинет и осторожно присел.

– Значит, слушай сюда, – внимательно посмотрел на него Решетов. – Нужно во что бы то ни стало найти тех, кто нас нахлобучил. Особое внимание на водителя. Когда я подбирал шофера для перевозки груза, его мне расписали как идеальный вариант. Однако ошиблись. – Решетов достал из пачки, лежащей на краю стола, сигарету и закурил. Не спеша, задумчиво глядя перед собой, выпустил дым, затем добавил: – С Санычем тоже, как видишь, ошибка вышла.

По лицу Мальцева пробежала тень страха. Заметив это, он насторожился:

– Или ты считаешь, что я поступил с ним жестоко?

– Яйца курицу не учат, – стараясь улыбнуться, выдавил из себя новоиспеченный начальник службы безопасности.

– Ладно, не будем зря терять время. Берешь людей, желательно подключить бывших мен-тов, что у нас нашли приют, машины, деньги на то, чтобы кого надо разговорить, и ставишь весь город вверх дном. За этим парнем, который перегонял «КамАЗ», установить круглосуточное наблюдение... Связи, круг общения, все проверить. Валяй.

Едва заметно кивнув головой, Мальцев поднялся со своего места и направился было к выходу, как неожиданно голос Решетова заставил его вздрогнуть.

– И смотри не повтори ошибки Саныча.

* * *

С момента встречи с Ежом прошло несколько дней. Антон был временно отстранен от рейсов и дни напролет проводил перед телевизором, бесцельно нажимая кнопки дистанционного управления, не вникая в содержание передач. Пределы квартиры он покидал лишь для того, чтобы пополнить запасы продуктов.

На Регину он не обращал никакого внимания. До сих пор не знал, откуда она, да это его и не волновало. Вряд ли такая хрупкая и красивая девушка могла причинить кому-то вред и, пользуясь благодушием Антона, использовать его квартиру для того, чтобы переждать какие-то неприятности.

Вспоминал о ней лишь за столом, который она три раза в день старательно накрывала.

Видимо, догадавшись о его проблемах, Регина старалась не маячить перед глазами, большую часть времени проводя в спальне, за чтением книг, благо, разного рода любовных романов, оставленных женой, было предостаточно.

Постепенно, обдумав свое положение, он пришел к выводу, что не все так гадко, как есть на самом деле. Если милиция не найдет товар, он наверняка найдет деньги. Сумма не такая уж и большая.

Он подошел к зеркалу и долго смотрел на свое отражение. Затем весело подмигнул ему.

«Нет, нельзя так убиваться по какому-то металлолому. Из-за погибших ребят страдал меньше».

За окном стоял солнечный день. Со двора, через открытую дверь балкона, доносились веселые голоса ребятни.

Неожиданно его осенила мысль. Он прошел в спальню.

Уткнув в подбородок маленький кулачок, Регина полулежала на кровати поверх одеяла, читая очередной романчик. Почувствовав появление Антона, она подняла на него глаза и улыбнулась. Он тоже улыбнулся в ответ и, подойдя ближе, присел напротив нее на корточки. Осторожно убрал упавшую на ее лоб прядь волос.

Девушка не отпрянула, напротив, по ее учатившемуся дыханию и слегка затуманившемуся взгляду он понял, что ей это приятно.

Его вдруг охватило тревожно-радостное чувство.

– Ну что, затворница, может быть, пойдем погуляем?

Ее не пришлось долго уговаривать, вернее, совсем не пришлось.

Они долго бродили по городу, ели мороженое, пили коктейли. Окружающий мир постепенно растворил их в себе и заставил наконец отвлечься от неприятных мыслей.

Вернулись уже под вечер. Регина – с букетом роз, Антон – с несколькими бутылками вина.

Он вынес на балкон два плетеных кресла, открыл вино и наполнил глубокие бокалы.

Солнце медленно опускалось за горизонт, приобретая алый оттенок. Они любовались этим грандиозным зрелищем, пили терпкое вино и, нисколько не смущаясь, глядели в глаза друг другу.

Когда на город опустилась теплая, как парное молоко, ночь, Антон осторожно положил свою руку на ее пальцы. Она слегка вздрогнула и отвела взгляд. Привстав, он прильнул к ее влажным полуоткрытым губам. По телу пробежала теплая волна, сменившаяся легкой истомой. Ее руки обвили его шею.

Неожиданно зазвонил телефон. Сначала Антон решил проигнорировать звонок, но повторная трель вернула его в реальный мир. Он словно сорвался с легкого, парящего над ночным городом облачка и грохнулся на землю. Должен был позвонить Еж, обещавший в течение трех дней разыскать бывших сослуживцев, могущих помочь с деньгами.

Виновато улыбнувшись, он осторожно освободился от рук Регины и вернулся в комнату. Звонил действительно Ежов.

– Короче, Антон, – после приветствия сразу перешел он на деловой тон. – Турова я нашел и разговор наш ему передал.

– И что?

– Пообещал прихватить с собой Юрку Саяпина. Помнишь такого? – Антон кивнул головой, словно это было видно Ежову. – Сегодня ночью приедут. У тебя все нормально?

– Смешной вопрос, – Антон усмехнулся. – Если не считать долга в десять тысяч долларов и что меня хотят убить, то конечно...

– Да ты не понял, – перебил его Еж. – Я имею в виду, за это время никто не приезжал?

– Пока нет.

– Может, мне у тебя пожить? – продолжал засыпать он вопросами.

Антон покосился на вошедшую следом девушку:

– Ответ отрицательный.

– Не доверяешь, – по голосу Антон почувствовал, что тот обиделся. – Я с того времени, как с тобой разговаривал, ни грамма в рот не взял.

– Да не обижайся, – поспешил успокоить друга Антон. – Я не один.

– С бабой, что ли?

– Регина живет со мной.

– Та самая...

– Да, та самая. Ну пока.

Положив трубку на рычаги, он развернулся в сторону балкона и чуть не налетел на девушку. Она приникла к его губам.

Одновременно он почувствовал, как ее пальцы, расстегнув пуговицы рубашки, скользнули по плечам. В висках застучало. Он подхватил ее на руки и понес в спальню. Она со стоном выгнулась и затрепетала, когда его ладонь оказалась между ее ног. Трусиков не было. Он провел по ее шелковистым и тонким волосикам на лобке пальцами и, раздвинув ими плоть, попал в разгоряченный и влажный вход.

Больше терпеть он не мог.

* * *

Спартак Гулиев сидел в подсобном помещении одного из своих небольших торговых павильонов на перевернутом вверх дном ящике из-под пива. Сложив руки на трость и вытянув вперед левую ногу, азербайджанец чем-то напоминал Наполеона.

Сегодня он в первый раз за последние два месяца решил осмотреть свое хозяйство. Поводом послужило то, что стоящая сейчас перед ним и размазывающая по лицу косметику продавщица влетела на кругленькую сумму штрафа. В принципе конфликт был улажен коммерческим директором, но бедняге об этом ничего не было известно. Спартак давно усвоил, что любой подвернувшийся повод, дающий возможность еще больше закабалить людей, работающих на него, нужно использовать с максимальной выгодой для себя.

Полякову Ленку он «снял» еще осенью, на проспекте Кирова.

Охочий до смазливых русских девок южанин быстро нашел предлог, чтобы посадить невысокое, со стройными ногами, голубоглазое создание в свою «Ауди». Не пришлось долго уговаривать девушку, простоявшую два года у лотка с сигаретами, съездить посмотреть только

отстроенный магазин на Ленинградской. Обещанная им зарплата, не входившая ни в какие сравнения с заработком лоточницы, сделала свое дело. Домой она тогда вернулась только под утро. Так, «передком», Ленка пробила себе дорогу в теремок из гофрированного железа, производство которых освоило в ходе конверсии одно из оборонных предприятий города.

В сущности, как она считала, ничего зазорного в этом нет. Зато зимой сухо и тепло, а летом мягко шумевшие кондиционеры все помещение наполняют прохладой. Ко всем вышеупомянутым благам новый хозяин с лихвой компенсировал ей мужа-алкоголика, каждую смену занимаясь удовлетворением ее и своей плоти.

Вообще практически все магазины Спартака, куда он приезжал, закрывались на технический перерыв, время которого соответствовало продолжительности эрекции.

Сейчас он уже два месяца без женских ласк... У него сломана ключица, левая рука и лодыжка. От середины верхней губы, через левую ноздрю, почти до самого глаза тянулся шрам. Все это было результатом последнего любовного похождения, закончившегося преждевременным возвращением из командировки мужа «хранительницы очага». Но и это были еще цветочки. Выпрыгнув с четвертого этажа, он со всего маху налетел на бельевые веревки, натянутые этажом ниже. В сущности, они спасли ему жизнь, но сделали импотентом.

«Ничего, – со злостью думал он, – снимут гипс и спицы, вылечусь. Сейчас такие хирурги есть, за деньги любой член пришьют».

– Ну что, сучка? – отвлекшись от размышлений и вспомнив, зачем он здесь, зло прошипел Спартак. – Отдавать как будешь?

В ответ Ленка завывала еще громче.

Его снова захлестнула волна злости.

– Замолчи, я сказал!

С этими словами он ткнул ее тростью в живот.

Охнув, девушка согнулась, опрокинув коробку с супами быстрого приготовления.

От этого азербайджанец пришел в ярость. С трудом поднявшись со своего места, он встал над ней во весь рост и со всего размаху ударил здоровой рукой по голове. Удар болью отозвался в едва сросшейся ключице. Уже потеряв рассудок, он выхватил из стоящей рядом коробки банку тушенки и, насколько позволяла боль, начал методично бить скорчившуюся у его ног девушку по голове и по рукам, которыми она пыталась закрыться.

Вся злость, накопленная за это время, выплеснулась на хрупкое и беззащитное существо, которое даже не подозревало, что расплачивается за других людей. В ее лице Спартак бил этого русского парня, раньше времени вернувшегося из командировки, бил Зинку, такую же наложницу, как и Ленка, от которой поймал триппер перед самым наступлением Нового года, бил ментов, которые... А Лена считала, что хозяйина привела в бешенство ее неосмотрительность.

– Ты же сам заставлял... Ты... Я...

Она пыталась сказать что-нибудь в свое оправдание, но очередной удар не давал этого сделать.

В сущности, Спартак знал, что Лена лишь делала то, что он хотел. Сколько раз он ругал ее, что она пробивает в кассе почти весь продаваемый товар, но сейчас признать своей вины не хотел.

Неожиданно на поясе запиликал сотовый. Тяжело дыша, Спартак вытащил из чехла трубку и прохромал в зал.

– Шеф, у нас порядок.

Бодрый голос подручного взбодрил и его. Он моментально забыл про валяющуюся на полу подсобки девушку.

– Где? – голос немного дрожал от охватившего вдруг волнения.

– Прямо возле дома. Куда подъехать?

Он назвал адрес и, отключив телефон, вернулся обратно.

Лену он застал сидящей на том же самом месте, где только что сидел сам.

Ее губы распухли, а на правой щеке зияла рваная рана, из которой сочилась кровь. Правый глаз заплыл.

При появлении своего истязателя она не сменила положения, а лишь ничего не выражающим взглядом обвела его с ног до головы.

– Чем рассчитываться будешь? – снова попытался он разозлить себя.

– Я тебя посажу, козел.

Спартак уставился на нее с изумлением.

– Сейчас сниму побои, а в ментовке скажу, что насиловал... И будут тебя лет пять на зоне петушить...

Сказав это, бедняжка не подозревала, что наступила на самое больное место Спартака.

Обида на весь мир вновь переполнила его до краев. Он скрипнул зубами:

– Одевайся.

Девушка отрешенно посмотрела на него и с трудом поднялась со своего места. Однако идти к вешалке, которая находилась позади хозяина, не решалась.

Он развернулся и вышел на улицу.

Было уже далеко за полночь. На улицах пустынно. Лишь на перекрестке, в свете мигающих светофоров, маялись в ожидании клиентов две проститутки.

Он достал из серебряного портсигара одну из забытых анашой папирос и закурил.

После нескольких затяжек появилось приятное головокружение, стало легко.

Сонно урча двигателем, подкатила серебристая «десятка». Почти бесшумно прикрыв за собой двери, из нее выскользнули двое парней. Слегка поеживаясь, держа при этом руки в карманах, они подошли к Спартаку.

Ничего не говоря, он протянул им «косяк». Парень, который был немного повыше своего напарника и, видимо, старше его как по возрасту, так и по распределению обязанностей в экипаже, взял папиросу из рук Спартака, жадно затянулся.

– А ничего «травка», – медленно выпустив облако дыма, похвалил он и выжидающе уставился на хозяина.

– Рассказывай, – небрежно бросил тот.

– С утра пасли. Как ты и сказал, он ментов вызвал, – выпуская дым при каждом слове, заговорил парень глухим голосом. – Потом они его с собой забрали. Вернулся поздно.

Он вопросительно посмотрел на приехавшего вместе с ним товарища.

– Часов в десять, – не сводя глаз с папиросы, торопливо ответил тот.

Спохватившись, старший протянул ему окурочек и, с шумом провентилировав легкие, уже нормальным голосом продолжил:

– В последний момент он, видимо, что-то почувствовал и развернулся в нашу сторону. Но отскочить не успел. Его через машину перебросило.

– Не очухается? – Спартаку на какое-то мгновение стало жалко, что он не видел всего своими глазами.

Если бы не спицы, вставленные в кости, и не нога, с которой лишь накануне сняли гипс, наверняка, как подобает настоящим мужчинам, он свел бы счеты сам.

– Если выживет, ему же хуже, – вновь подал голос второй парень. Он до конца добил «косяк» и теперь, видимо, немного осмелев от этого, решил вмешаться в разговор на правах равного. – Его теперь на такие бабки посадят, что не рад будет своему воскрешению.

– Я сначала так и хотел сделать, – азербайджанец оглядел улицу, затем вновь перевел взгляд на парней, лиц которых нельзя было разглядеть из-за темноты. – Но он может догадаться, что это моих рук дело...

– У него много врагов, – высокий положил руку на плечо своего помощника. – Послушай, что Кузя толкует.

Спартак перевел на того выжидающий взгляд.

– Этот фрукт несколько лет в спецназе прослужил. Я о нем кой-какие справки навел.

– Ты предлагаешь мне его вместо вас взять? – перебил Спартак и рассмеялся.

– Да нет, – смутился Кузя. – Он в нескольких горячих точках отметился и два раза в Чечне был. За него там большие деньги предлагали. Поэтому он, наверно, сейчас больше думает...

– Думал бы, – поправил его старший.

– Ну да, – поправился он, – думал бы, что это его за старые грешки «чехи», разыскав, заказали.

Эти двое русских, работающих на Спартака, последние две недели «пасли» обидчика.

Поначалу Спартак хотел убрать его где-нибудь на трассе, но после нескольких попыток отказался от этой затеи. Филиппов практически не останавливался в пути в безлюдных местах. Отдыхал у стационарных постов ГИБДД. Мысль просто расстрелять машину он отменил сразу. Слишком мелкая сошка этот шоферюга, чтобы идти из-за него на такую авантюру.

Поэтому, когда Спартака известили, что его злейший враг, нарушив инструкции, оставил фуру с грузом у дома, он воспринял это как подарок судьбы. Не мешкая, Влад и Кузя, отправившись по злополучному адресу, установили в кабине простейшее взрывное устройство. Утром Филиппов обнаружил вскрытый контейнер, который эти двое идиотов не удосужились закрыть, и вызвал милицию. Тогда Спартак и приказал немедленно убить его...

* * *

Был поздний вечер. Несмотря на мелкий и нудный дождь, летние кафе и павильоны на набережной были забиты людьми до отказа. Мест не было не только за столиками, оборудованными зонтами и навесами, но и там, где они стояли просто под открытым небом.

Отовсюду гремела музыка. Разноцветные огни играли всеми цветами радуги в капельках дождя и в лужах на асфальте.

Четверо мужчин крепкого телосложения сидели за самым дальним столиком «Родника», о чем-то вполголоса переговариваясь.

Они не реагировали на многообещающие взгляды девушек и женщин, пришедших сюда ради того, чтобы найти подходящую компанию для приятного времяпровождения. Не пили спиртного.

Ежов хотел сагитировать друзей хотя бы на пиво в честь встречи, но получил категорический отказ.

– Сначала «перетереть» надо, а потом – кому как угодно. – Туров Толя тяжело вздохнул: – Мне, например, вообще нельзя.

Когда-то этот невысокого роста паренек был оптимистом и глядел своими глазами на мир с немного детской наивностью, чем настораживал не знающих его начальников, направляющих их группу на задания. Задачи они выполняли разные и в разных районах земного шарика, поэтому и руководители операций постоянно менялись. Повторяющаяся история всегда веселила не только Антона, но и всех остальных. В бою Туров превращался в хладнокровного виртуоза войны.

Сейчас он заметно похудел и осунулся. Под глазами появилась болезненная синева. Антону даже пришла в голову мысль, что встретить он Толика где-нибудь в толпе, то, возможно, даже и не узнал бы своего боевого товарища.

– Я думаю, что с продажей квартиры тебе торопиться не надо, – сразу, без обиняков, перешел к делу Саяпин.

Юра был самым молодым из всех сидящих за столом. Через неделю ему исполнится всего двадцать три. Он был среднего роста, всегда носил короткую, аккуратную прическу, а летом вообще стригся наголо. У него была правильной формы голова, густые, почти сросшиеся на

переносице брови и длинный орлиный нос. Он чем-то смахивал на кавказца и часто подвергался проверке документов.

Из спецназа он ушел по ранению. Шедший с ним в дозоре офицер напоролся на растяжку. По счастливой случайности ни один из шести осколков не задел жизненно важных органов. Правда, он стал заметно прихрамывать на левую ногу. Несмотря на это, ему удалось устроиться телохранителем какой-то «бизнес-леди» и довольно безбедно существовать.

– Деньги у меня есть. Правда, не вся сумма, – не спеша продолжал он, изредка бросая по сторонам настороженный взгляд. – Если что, я без проблем достану оставшуюся часть.

– Кроме компьютеров, еще что-то вез? – поинтересовался Туров.

– Бумага была, – Антон глотнул из бокала апельсинового сока. – Ксероксная. Ее не тронули.

– Значит, так, мы пока поживем у Ежа. – Туров покосился на сидящих за соседним столиком молодых людей и придвинулся к Антону ближе. – Нам нужно оглядеться и прозондировать почву вокруг Решетова. У меня здесь кое-какие связи имеются. Ты жди, когда на тебя выйдут. Думаю, это случится уже в ближайшее время. Все же я думаю, что лучше кому-то из нас быть на подстраховке рядом с тобой.

– Не стоит, – запротестовал Антон. – Если захотят замочить, замочат по-любому.

– Смотри, – пожал плечами Туров, – как знаешь. Мы тут с Юркой кое-какие трофейчики прихватили, сейчас они у Ежа.

Еж утвердительно закивал и добавил шепотом:

– Два пистолета Макарова и штук сто патронов к ним.

– Я надеюсь, что они не пригодятся. – Антон оглядел своих товарищей: – Мужики, я влип, мне и отдуваться. Не хочу, чтобы вы из-за моей тупости свободой и жизнью рисковали.

– Ну ты это брось, – неожиданно оборвал его Туров. – За этим столом сидят люди, которые уверены в том, что, случись с ними что-то, они могут положиться на тебя так же, как ты на них. Если из-за денег переживаешь, то зря. Мне вообще можешь не отдавать, уже вряд ли даже и успеешь.

– Ладно! Хватит тебе, – нахмурился Саяпин. – Конкретно по этому вопросу есть предложение: пока не высываться, а ждать первого шага со стороны этих уродов. И еще, – он перевел взгляд на Филиппова, – с милицией теперь поосторожней...

* * *

Антон вернулся поздно. К дому подходил с опаской. Долго стоял между гаражами, наблюдая за подъездом и окнами лестничных площадок. Не заметив ничего подозрительного, поднялся на свой этаж. Однако, вставляя ключ в замочную скважину, он с удивлением обнаружил, что дверь не заперта. Прислушался. В комнате работал телевизор.

«Может быть, Регина куда-нибудь ходила», – подумал он, однако, пройдя в зал, опешил.

В кресле, вполоборота к нему, сидел незнакомый, лет сорока—сорока пяти мужчина. На диване еще один, намного моложе.

Увидев Антона, оба, как по команде, поднялись со своих мест.

Парень сделал к нему шаг и замер. Он был одного с Антоном роста и комплекции.

Мужчина поспешил улыбнуться:

– Только без шума. Мы просто поговорить.

– Где Регина? – перебил его Антон, бросив взгляд в сторону кухни.

– Эта глухонемая... – хохотнул второй и осекся, поймав на себе взгляд своего напарника.

– С ней все в порядке, – поспешил успокоить тот и, словно находясь у себя дома, указал хозяину квартиры на стоящее рядом кресло: – Присядь, пожалуйста.

Его вполне мирный тон немного успокоил Антона, и он повиновался.

– В общем, дело обстоит так, – мужчина подошел к дивану. – Меня зовут Мальцев Константин Максимович. С этого дня груз, который ты прошляпил, мы будем искать вместе. Девушка же, – он осторожно посмотрел на Филиппова, словно стараясь предугадать реакцию на сказанное далее, – побудет пока у нас.

Антон словно ошпарили кипятком. Он соскочил с кресла.

– Вы что, совсем озверели!? Из-за какого-то баракла... Я отдам вам деньги!

Пришедший с Константином Максимовичем парень, видя, что Филиппов начал злиться, вновь поднялся со своего места.

– Деньги нам не нужны, – спокойным тоном перебил его Мальцев и, положив руку на плечо своему напарнику, заставил его снова сесть. – Ты будешь искать с нами груз. И не вздумай заикнуться ментам про бабу.

Антон плюхнулся в кресло.

– Быстро у вас меняются решения, – усмехнулся он. – Сначала чуть не замочили, теперь предлагают партнерство.

– Кто это тебя чуть не замочил? – удивленно вскинув брови, переспросил тот.

– Вам лучше знать! – Антон криво усмехнулся. – На глазах всего дома так машиной долбанули, чуть душа не вылетела.

– Ну-ка, ну-ка, – гость внимательно посмотрел на Филиппова. – Давай поподробнее.

После разговора с Ежом Антон был уверен, что люди Решетова не имеют никакого отношения к сбившей его машине. Он больше опасался мести оставшихся в Чечне кровников. Руки у них были длинные. Спецназ не возился с мелкими сошками, а работал по крупной рыбе, по известным на весь мир людям.

Обвинив незваных гостей в покушении на свою жизнь, он решил таким образом их напрячь и хотя бы немного уменьшить вероятность повторения подобного.

Мальцев внимательно, не перебивая, выслушал его рассказ. Когда Антон закончил, минуту сидел молча, уставившись в одну точку, затем перевел на него взгляд.

– Мне кажется, тебя пытались убить те, кто увел груз. Но за что? Чего они боятся?

* * *

Решетов стоял на краю огромного кукурузного поля, упирающегося в березовую рощу. Солнце клонилось к горизонту, но жара не спадала. Несмотря на это, он не снимал пиджака и даже не ослабил галстук.

– Дмитрий Иванович, – позвал почти бесшумно подошедший сзади Мальцев, – уже девятнадцать сорок. Пора.

Они вернулись к машинам, стоящим на шоссе, и через минуту кавалькада мощных джипов и «БМВ» рванула в направлении небольшого дачного поселка Звезда.

Два дня назад человек, который доверил ему отправку валюты, назначил встречу со своим эмиссаром. Разговор намечался не очень приятный, и Решетов прекрасно понимал, что возможны любые варианты его развития.

Не исключено, что первым делом у него потребуют объяснений, почему и как ушли компьютеры. В разговоре по телефону он лишь намеками дал понять о случившемся. Теперь едут за подробностями, и возможно... Нет! Только не это. Он постарался отвлечься от дурных мыслей, но подсознательно снова и снова возвращался к заготовленным в голове ответам на вопросы, которые в сложившейся ситуации не тяжело было предугадать. Оправдываться и валить все на Саныча и Бельчика было бессмысленно. Да и не нужны никому оправдания, нужен результат. Человек едет узнать, какие планы сейчас у него, и наверняка определить сроки решения этого вопроса.

Он, не торопясь, поднялся на второй этаж особняка и, войдя в свой кабинет, уселся за стол.

Посидев с минуту, снова встал, прошел вдоль стены с книжными шкафами и остановился у окна.

Внизу, во дворе, огороженном высоким забором из красного кирпича, на постриженном газоне лежали два ротвейлера. Чуть поодаль, в беседке среди молодых яблонь, сидели несколько охранников. Положив на колени автоматы, они лениво переговаривались.

Эти окна выходили во внутренний двор, поэтому он не видел, как, согласно его указаниям, при появлении небольшого кортежа из трех джипов ворота открылись и машины, не сбавляя скорости, пронеслись прямо к парадному входу. Однако по тому, как лица у мордоворотов, находящихся в беседке, сделались серьезными, а один из них, приложив к уху черную коробку портативной рации, кивнул напарникам и они, встав со скамеечек, разошлись в противоположных направлениях, Решетов понял, что эмиссар прибыл.

Он отправился встречать приехавшего. Буквально в дверях столкнувшись с Мальцевым, поморщился.

– Я уже знаю. Иди наверх.

По мраморным ступенькам к входу направился еще довольно молодой человек, высокого роста.

Длинные, до плеч, черные, слегка выющиеся волосы, такого же цвета густые брови, орлиный нос...

Где-то Решетов уже видел его.

Чуть приотстав, за ним следовал еще один мужчина. Он был постарше и, судя по всему, выполнял при нем обязанности советника.

По виду оба были чеченцами.

Они прошли мимо Решетова, застывшего с холуйской улыбкой на губах, лишь смерив его взглядом, от чего он почувствовал себя швейцаром в собственном доме. У джипа с тонированными стеклами с невозмутимым видом стояли четверо охранников приехавшего. По их физиономиям Решетов понял, что они думают так же.

Развернувшись, он засеменял следом.

Высокий остановился в фойе. Засунув руки в карманы, огляделся.

– Меня зовут Ваха.

Дмитрий Иванович вздрогнул, наконец вспомнив, где сталкивался с этим человеком.

Это произошло под Москвой, в Бутовском лесопарке. Они сидели с Асланом в его лимузине.

Отпив из высокого стакана минеральной воды, тот пристально посмотрел в глаза Решетову.

Не выдержав цепкого, ничего не выражающего взгляда, Решетов с деланным интересом принялся рассматривать установленный между ними инкрустированный серебром столик.

– Вот что, дорогой, – чеченец вздохнул, – любой прокол, и ты пожалеешь, что родился на этот свет...

В салоне, отделанном дорогой кожей, воцарилась тишина.

Снаружи машины зашелестела листва. Открылись двери, и рядом с ним бесцеремонно уселся этот человек.

– Запомни его, Ваха. – Аслан выдержал паузу, словно давая возможность Вахе действительно запомнить Дмитрия Ивановича, затем на одном дыхании выдохнул: – Пока он не сделал нам ничего плохого...

Решетов, которому очень не понравилась манера разговора, усмехнулся:

– Ты разговариваешь со мной так, как будто я твоя собственность.

– А ты и есть моя собственность. Согласившись на мои условия, ты ею стал. Я купил тебя за комиссионные. – Он сделал еще несколько глотков минералки. Зажмурился. Затем, открыв глаза и хитро посмотрев на Решетова, добавил: – И его собственность тоже.

При этом Ваха едва заметно ухмыльнулся, бросив на Решетова взгляд, от которого стало не по себе.

– Но ведь я могу и отказаться.

– Тогда умрешь, – перебил его Аслан.

– Это почему? – вздрогнул Решетов.

– Уже много знаешь.

Решетову стало совсем плохо.

По тому, с каким безразличием посмотрел на него Ваха, Дмитрий Иванович понял, что для этого человека он не представляет никакой ценности...

– У тебя есть бассейн?

Голос Исмаилова вернул Решетова в реальный мир. Дмитрий Иванович ожидал любого вопроса, даже не исключал стрельбы, но только никак не этого. Поэтому ему показалось, что он ослышался.

– Не понял.

– Мои люди устали. Им и мне не мешает ополоснуться с дороги, – едва скрывая свое раздражение, проговорил Ваха. – И распорядись, чтобы там был телевизор и видео.

«Странно, – подумал Решетов, отправляясь выполнять указания гостя. – Зачем ему видик?»

Приехавшие попарились в сауне, примыкающей к дому, окунулись в бассейн с кристально чистой водой, ровным счетом не обращая никакого внимания на сидевшего в плетеном кресле хозяина.

Подошел Ваха, вытирая свое загорелое мускулистое тело махровым полотенцем. На груди и правой руке багровыми рубцами зияли шрамы.

– Ну что, приступим к тому, ради чего я приехал. – Он махнул рукой стоящему на другом конце бассейна своему охраннику.

Тот направился в сторону Решетова, одновременно что-то вытаскивая из внутреннего кармана пиджака.

Дмитрий Иванович похолодел. Ноги отнялись, а во рту пересохло. Он не сводил взгляда с руки этого человека.

Краем глаза он успел заметить, как один из его людей, стоящий между ним и чеченцем, напрягся.

Однако чеченец извлек из кармана не пистолет и даже не нож. В руке у него оказалась небольшая видеокассета от видеокамеры.

– Адаптор есть? – спросил Ваха.

В его глазах появилась ирония. Состояние хозяина не осталось незамеченным чеченцем.

– Нет, но есть видеокамера...

– Пусть принесут и подключат к телевизору, – он усмехнулся: – Будем смотреть кино.

Когда все было готово, Ваха нажал на кнопку дистанционного управления. Экран огромного «Филипса» засветился.

Взору Решетова открылся какой-то плохо освещенный подвал.

За крюк под потолком был подвешен обнаженный мужчина. По избитому, в кровоподтеках и ссадинах лицу невозможно было определить даже возраст. От мошонки по ногам на пол стекала кровь.

«Ты предстанешь перед своим богом женщиной», – голос из-за кадра заставил Дмитрия Ивановича вздрогнуть.

– Он не выполнил одного своего обещания, – пояснил Ваха. – Его кастрировали, а теперь снимут с живого кожу.

Между тем в поле зрения появился человек в маске со скальпелем и миниатюрной паяльной лампой. Развернув несчастного спиной к объективу, он неторопливо провел по спине факелом. Раздался сдавленный крик.

– Это для того, чтобы кожа легче отставала, – продолжал спокойно объяснять эmissар.

В течение получаса Решетову были продемонстрированы расправы над несколькими чем-то не угодившими Аслану людьми.

Их убивали изощренно и медленно, скрупулезно фиксируя все на видеокамеру.

Сюжетов было три. Кроме вышеописанного, на следующем демонстрировалось распиливание какого-то старика на циркулярке, от самых гениталий до горла, на другом отрезали голову...

– К чему все это?

Ваха удивленно посмотрел на Решетова.

– А ты не понял? – он зловеще ухмыльнулся. – Я даю тебе неделю на исправление ошибки, в противном случае здесь появится четвертый сюжет.

* * *

– ...Такие вот дела. – Закончив свой рассказ о похищении Регины и визите Мальцева, Антон откинулся на спинку стула и оглядел сидевших за столом.

Кухня у Ежа крохотная, и поэтому от духоты не спасало даже открытое настежь окно. Лица друзей напряжены, а волосы мокрые, как после бани.

Еж, Саяпин и Туров еще несколько минут переваривали услышанное.

– А что они насчет твоей... – Саяпин осекся, не зная, как назвать Регину. Вроде не жена, не невеста, не шлюха. Об отношениях между ней и другим он мог лишь догадываться по тому, как Антон взволнован.

Поняв, о чем речь, Антон его опередил:

– Сказали, что первые два дня условия ее содержания будут хорошими.

– А потом? – Туров вопросительно уставился на Филиппова в ожидании ответа.

Тот лишь пожал плечами.

– Ха! – Еж ударил рукой по столу. – Может быть, она сейчас в коттедже, а потом ее переведут в подвал, а может быть, сейчас в подвале, а потом в яму со змеями пересадят. Тут как угодно можно понимать «идеальные условия».

– Это точно, – поддержал его Туров. Затем повернулся к Антону: – А что ты этих субчиков отпустил? Надо было их хорошо отколбасить, а потом заставить сказать, где она.

– Во-первых, эти люди далеко не дураки, а во-вторых, я не был уверен, что они что-то знают о ее местонахождении. Если бы мы их взяли, это был бы прямой вызов Решетову, а Регина, как я понял, у него.

– Хватит рассуждать. Давайте решать, что делать, а то только треп один, – не выдержал Саяпин.

– Чего здесь решать, – удивился Туров. – И так ясно, Антон и ты займетесь поиском компьютеров, а мы с Ежом – девчонкой.

– Это почему!?! – возмутился Антон, но тут же осекся. До него дошло, что в его положении лучше выполнять требования Мальцева.

Анатолий реакции Филиппова не придавал никакого значения, заметив, однако, что он должен всегда быть на виду у Мальцева, а Саяпин – в «тени».

– Как искать этот металлолом, – невозмутимо продолжал Туров, – я думаю, сами знаете. Первое – дать объявления во все газеты, что намерены купить компьютер, – он повернулся к Антону, – именно такую модель, что ты и вез, дорого.

– Да их в городе... – попытался было встрять в разговор Еж.

– На них номера, как на оружии, – оборвал его Туров. – Во-вторых, проверить все салоны и компьютерные клубы, а в-третьих, – он поднялся со своего места, – перетрясти весь дом, возле которого был оставлен «КамАЗ». Возможно, кто-нибудь что-то видел.

Антон поморщился:

– Уже милиция все перетрясла.

– То, что не скажут милиции, расскажут бабушкам на лавках, – хохотнул Саяпин.

Туров тем временем подошел к окну и закурил. Еж принялся разливать чай.

– Слушай, Ежик, – голос Анатолия насторожил всех своей интонацией, – пройди в соседнюю комнату и так, чтобы тебя не было видно с улицы, глянь вниз.

Поставив чайник на плиту, Еж, теряясь в догадках, отправился выполнять просьбу. Сидевшие за столом Антон и Юрий переглянулись.

Вернувшийся через минуту Еж ошарашил:

– По-моему, нас пасут.

– С чего ты взял? – Саяпин встал из-за стола и сделал шаг в сторону Турова, но тот, развернувшись вполоборота, сделал предупреждающий знак рукой. Спohватившись, Юрий остановился.

– Я на эту машину еще с утра внимание обратил, – продолжал между тем Толик, – когда из универсама шел. Очень странно на меня косились.

– Объясни, – Антон весь напрягся.

– Стоит тачка. Пятидверная «Нива», – начал вводить в курс дела Туров. – Капот открыт. Трое мужиков средних лет делают вид, что занимаются ремонтом.

– Может быть, действительно сломались и въехали во двор с улицы, – все еще не веря в услышанное, выдвинул предположение Антон.

– Черта с два! – Туров, мотанув головой, усмехнулся. – У них даже руки чистые. Ко всему, – он поднял палец вверх, – когда я подошел к окну, они, как по команде, повернули головы в мою сторону.

– Дилетанты, – Еж поморщился. – Мы их в два счета обуем.

– Мимо них не проскочить, – Толик посмотрел на Антона. – Наверняка тебя пасут.

– Ничего, у меня знакомая на первом этаже, – Еж загадочно улыбнулся, – у нее окна на ту сторону дома выходят.

Сергей ошибался, считая, что таким образом они смогут обмануть противника.

Зная, что Антон с утра направился к Ежову, Мальцев решил проверить, не замышляет ли эта компания каких-либо контрдействий, либо просто собрались посудачить.

В первом случае, заметив слежку, они наверняка попытаются разойтись незамеченными. Поэтому один из его помощников, проверив, заперт ли чердак и для надежности вставив в замочную скважину несколько спичек, занял позицию неподалеку от окон, о которых говорил Ежов.

Спрыгнув с подоконника и направляясь к ближайшей остановке, Антон не заметил, как за ним проследовал неприметный гражданин с авоськой в руке.

Остальная же часть компании, о чем-то оживленно споря и размахивая руками, направилась к ближайшей пивнушке.

Глава 5

Прошли первые сутки от установленного Асланом времени и третьи с момента пропажи груза. Сказать, что Решетов нервничал, это значит не сказать ничего. Он боялся открыть даже форточки. Огромные зарешеченные окна с тонированными стеклами выходили на проспект Кирова с большим количеством новостроек, которые в этом районе росли как грибы. Время от времени он подходил к окну и подолгу подозрительно всматривался в снующих по лесам строителей, больше походивших на муравьев, нежели на людей.

Дмитрий Иванович всерьез опасался, что Ваха обманул его, определив недельный срок на поиски, а сделал это лишь для того, чтобы расслабить и притупить чувство опасности.

Просто так им будет легче разделаться со мной, рассуждал Решетов, оставаясь один. Он, конечно же, должник, но для чеченцев еще опасней как свидетель.

Несмотря ни на что, интенсивные поиски пока не приносили результатов. Не было ни одной зацепки, ухватившись за которую можно было размотать весь клубок.

Ваха со своими людьми обосновался у него на даче и периодически названивал по сотовому.

От этих звонков сердце у Решетова обрывалось, ноги отнимались, а во рту так пересыхало, что он едва ворочал языком, отвечая на вопросы. От этого речь становилась невнятной, что, по всей видимости, веселило чеченца.

– Дмитрий Иванович, – голос секретарши, донесшийся из пластмассовой коробки селектора, заставил его оторваться от размышлений и вернуться в реальный мир. – К вам Николай Николаевич.

Вид вошедшего Гусева ничем особо не отличался от внешности Решетова. Он словно на пятнадцать лет постарел с того момента, как узнал об увлечениях собственного чада.

– Документы готовы. Груз на Гудермес формируется, – начал он с порога, заранее зная, что Решетов не будет жать ему руку и не предложит сесть.

Он стоял на полпути между столом генерального директора «Моста» и входными дверями, скороговоркой докладывая о проделанной работе.

– ...Осталось утрясти ряд деталей с мэром и начальником УВД.

– Понятно, – Дмитрий Иванович тяжело вздохнул. – Ежедневно докладывайте мне, как продвигаются дела, – после чего вяло махнул рукой в сторону выхода.

Дверь за спиной главы администрации закрылась. Решетов остался один на один со своими мыслями.

Что делать? Бежать бесполезно. Рано или поздно найдут. Продать недвижимость? Все равно за это время он не успеет собрать нужную сумму. Ему не хватит даже месяца. Можно, конечно, нажать на Гусева и еще ряд чиновников, но вымогательство на таком уровне и таких сумм не останется незамеченным спецслужбами. Может не обойтись без накладок, ведь за каждым кто-то стоит.

Невольно он поймал себя на мысли, что за все это время ни разу не вспомнил об Аняте. Эта сногшибательной красоты девушка прочно вошла в его жизнь. Он закрыл глаза. Кажется, прошла целая вечность с того момента, как она, положив голову на его грудь, осторожно гладила его по голове, лицу, слегка дотрагиваясь своими нежными пальчиками до губ. Неожиданно он вспомнил свое обещание и про себя усмехнулся. Сетую на серость и скуку своей жизни, она с завистью рассказывала о своих подругах, успевших обзавестись семьями и растивших детей.

– А хочешь, я покажу тебе то, что твои подружки даже в кино не видели? – неожиданно выпалил он и сам испугался своего предложения, не зная, как его выполнить. Но отступить было поздно.

У девушки загорелись глаза. Сев на него верхом, она принялась колотить его по груди маленькими кулачками и хныкать, подражая раскапризничавшемуся ребенку:

– Хочу много адреналина!

«На мое место бы ее сейчас», – беззлобно подумал он.

Опять зазвонил телефон. Решетов дернулся, словно его ударило слабым разрядом тока.

На этот раз звонил Сиганов, майор из уголовного розыска. После привычного обмена приветствиями он предложил посидеть вечером за кружкой пива.

Сиганов Валерий Юрьевич был начальником следственного отдела УВД одного из районов города. Как и большинство нужных Решетову людей, он также стал работать на Дмитрия Ивановича не добровольно, а в результате многоходовой комбинации. Однако впоследствии, общаясь с Сигановым и получая от него необходимую информацию, Решетов стал подозревать, что майору можно было сразу предложить «зеленые», и он бы наверняка принял его условия.

Среднего роста, с оттопыренными ушами, Сиганов всегда вызывал у него отвращение своей жадностью и попытками вести себя на равных, но обстоятельства вынуждали терпеть это. Дмитрий Иванович всегда успокаивал себя тем, что ментяру можно в любой момент вывести из игры.

Решетову было не до пива, но звонки такого характера означали одно: у Сиганова появилась какая-то информация, касающаяся его, Решетова, персоны...

– Следователь у нас один есть. – Сиганов сделал несколько глотков пива, поставил отпотевший бокал на стол и хитро посмотрел на Дмитрия Ивановича.

– Ну, – не выдержав прямого, изучающего взгляда, Решетов повернулся к стойке. – Говори, не тяни время.

Однако от внимания майора не ускользнул тот факт, что раньше этот человек был намного уверенней в общении с ним.

– Ты его знаешь.

– Навродский? – Решетов уже с интересом уставился на собеседника. – Он моими компьютерами занимается. Откопал что-нибудь?

– Откопал, – Сиганов ухмыльнулся. – Только не в том месте и не там где надо.

– Как это?

– Молча. – Сиганов достал сигарету, пустил сизый дым к потолку. – Сегодня он со мной поделился своими соображениями по этому делу, и даже попросил подмогу, убедив меня, что дело принимает серьезный оборот.

Появившиеся на бледном лице красные пятна выдали охватившее Дмитрия Ивановича волнение.

– Его очень насторожил тот факт, что ты сам проявил большую инициативу в розыске груза, – продолжал между тем милиционер. – Такой активности он не видел даже тогда, когда у тебя пропала дочь.

Решетов опустил глаза. Да, действительно, осенью прошлого года дочь не пришла из школы. Тогда Дмитрий Иванович ограничился лишь тем, что позвонил Сиганову и попросил неофициально выделить в его распоряжение толкового человека. По стечению обстоятельств именно Навродский занимался этим вопросом. К счастью, девчонка нашлась через двое суток.

Как оказалось, повздорив в очередной раз с матерью, которая работала директором колледжа, где она училась, сразу после занятий Ксения ушла к подруге, у которой и провела все эти дни.

– Кроме того, – оторвал Решетова от размышлений голос Сиганова, – отслеживая маршрут машины, он обратил внимание на то, что примерно в тот же промежуток времени, когда Филиппов проезжал район Красного моста, там произошла авария с гибелью твоего человека по кличке Бельчик. По свидетельству очевидцев, с места аварии скрылись еще двое мужчин, – он тяжело вздохнул, – что дает основание полагать, что ты сопровождал груз. Зачем?

– Не сопровождал. – Решетов не спеша достал из кармана брюк носовой платок и вытер со лба пот. – Бельчик по своим делам на три дня отпросился.

Сиганов хитро посмотрел на собеседника:

– Третий момент – замена игроков в твоей команде.

– Не понял, – Дмитрий Иванович поднял удивленный взгляд на собеседника.

– Где твой старый начальник службы безопасности?

– А, – после небольшой паузы выдавил из себя Решетов, – так я его уволил.

– Так уволил, что его уже несколько дней дома нет?

– Ты чего, – Решетов начал злиться, – думаешь, я его того? Расчет он получил и ушел, а что дальше с ним стало, меня не волнует.

– Да нет, – Сиганов закурил очередную сигарету, – я ничего не думаю. Это у Навродского надо думать, а он уверен, что в компьютерах было еще что-то, раз ты людей из-за них мочить начал.

Дмитрий Иванович все-таки поступился принципами и приложился к еще не тронутому бокалу пива.

– Еще раз тебе повторяю, денег у Саньча было немерено, – он вытер от пены губы. – Может, завис у какой-нибудь бабы...

Однако от внимания милиционера не ускользнуло, что руки его опекуна стали дрожать сильнее, а в глазах появилась растерянность.

С минуту оба сидели молча.

– Так ты считаешь, что мое вмешательство излишне? – спросил Сиганов.

Решетов проигнорировал вопрос. Он молчал, отрешенно глядя перед собой.

– Ну тогда я пойду. Пока. – Майор поднялся со своего места и направился к выходу.

– погоди. – Решетов тоже встал. Одновременно из-за столиков, расположенных рядом с их местом беседы, поднялись по меньшей мере человек десять охраны. На улицу вышли вместе. – Я так понял, что он с головой ушел в работу по розыску компьютеров?

– Да.

Дмитрий Иванович вновь задумался.

Что, если вездесущий ментяра вперед его найдет системные блоки? Если он что-то заподозрил, а со слов Сиганова так оно и есть, то обязательно полезет внутрь. В то же время просить Сиганова вывести из игры Навродского, это значит – вывести высококлассного специалиста, у которого очень велик шанс сделать то, что не под силу Мальцеву.

– Значит, так, – он остановился и внимательно посмотрел на Сиганова. – Операцией будешь руководить ты, а Навродский будет работать под тобой. Под твоим неусыпным контролем.

Майор поморщился, но промолчал. Как ни крути, назвался груздем – полезай в кузовок. Попавшись год назад на удочку Дмитрия Ивановича, Сиганов теперь был вынужден работать на два фронта.

Один из его однокашников, уволившись из органов, перешел на работу к Решетову. Несмотря на занятость, Сиганов продолжал поддерживать с ним связь. Тем более бывший коллега по работе во время таких встреч в непринужденных беседах информировал его о последних новостях в криминальном мире. Несколько раз помог в раскрытии тяжких преступлений.

Сиганов не считал его своим информатором. Такие встречи носили сугубо дружеский характер. Так считал он и думал, что так же считает и Мальцев, однако ошибся.

Однажды Мальцеву удалось вытянуть Сиганова на шашлыки. На берегу лесного озера их поджидала парочка смазливых девчонок, которые, как выяснилось после, приехали туда заблаговременно, со всеми необходимыми атрибутами, присущими хорошему застолью.

Поначалу Сиганова это сильно смутило. Однако, изрядно приняв на грудь, он потерял всякий стыд, и уже через каких-то пару часов они купались голышом в теплой, как парное

молоко, воде и, не стесняясь друг друга, совокуплялись прямо на берегу, барахтаясь в расстеленных на песке атласных покрывалах.

– Слушай, дружище, – заткнув пальцем левое ухо, Мальцев смешно прыгал на правой ноге, пытаясь вытряхнуть из левого воду, – у меня сын тачку продал, за баксы, минуя банк. То есть не проверены они. Может, глянешь своим наметанным глазом?

– Так отвези завтра да проверь, – удивился Сиганов.

– Я и хочу так сделать. – Он перестал прыгать, взяв у подбежавшей к нему блондинки полотенце, шлепнул ее по голому задку. – Но хоть спокойней на душе будет. А то не усну.

– Валяй.

Мальцев прошел в палатку и вынес оттуда пачку стодолларовых купюр.

– Это что же за тачка такая? – удивился Сиганов ее внушительной толщине.

– «Тойота Лендкрузер» двухтысячного года.

– Ого, – протянул майор, беря из рук друга «пресс».

– Ой, сколько долларов! – Вика, жгучая брюнетка, с большой, пышной грудью и кучерявой порослью на лобке, присела сзади, положив Сиганову руки на плечи.

Не обращая внимания на приятное щекотание острого соска между лопатками, Сиганов проверил каждую купюру. Он со знанием дела щупал их, смотрел на свет.

Наконец вернул Мальцеву.

– Если подделка, то очень высокого качества. Мне кажется, зря паникуешь. Все нормально.

Спустя несколько месяцев сам Решетов, приехав прямо в отдел, представил ему фотографии, на одной из которых Сиганов, в чем мать родила, берет деньги из рук Мальцева, на другой проверяет каждую купюру. Все это на фоне абсолютно голых девиц и стоящего рядом Мальцева.

– Ну что ты на это скажешь, майор? – Решетов ехидно улыбнулся. – Посадить не посадят, а вот с работы полетишь...

* * *

– Слюшай, доктор, – в очередной раз завел старую пластинку Спартак, – ты понимаешь, я тебе любые деньги заплачу.

Уролог Сидоркин уже в который раз снял очки, протер их о край халата, снова надел и задумчиво уставился на странного посетителя.

Спартак не унимался:

– У меня детей нет, ты хотя бы скажи, будут, а?

Врач сдержал улыбку. Этот когда-то расфуфыренный и самодовольный хам сейчас жалобно скулил у него в кабинете. Вздохнув, он поднялся со своего места и подошел к окну:

– Я же вам предлагаю протез. А детей, – он отвернулся от окна и с опаской посмотрел на сидящего за столом азербайджанца, – детей, извините, у вас быть не может.

Глаза Спартака налились яростью:

– Нет, будут. Я любые деньги отдам, – соскочив со своего места, он бросился к доктору. От неожиданности тот отпрянул. Однако Спартак, не обращая внимания на его реакцию, не стал размахивать руками или кричать, напротив, вкрадчивым шепотом, с надеждой в глазах быстро затараторил:

– Хочешь, я в каждый кабинет тебе компьютер поставлю?

Несмотря на то что с деньгами у него проблем не было, он не стал обращаться в частную клинику, а прямиком отправился в областную больницу, справедливо считая, что здесь ему придется выложить в два раза меньше.

Сидоркин получал зарплату с задержкой в два месяца, перебиваясь частной практикой. Он и не придавал этому никакого значения. За месяц работы государство выплачивало ему сумму, которую в течение нескольких дней «проедал» его старенький «Москвич». Предложение азербайджанца ему показалось заманчивым, но шансы сводились почти к нулю.

– Я могу лишь попробовать. Сделаю все, что в моих силах...

Всем телом подавшись вперед, пациент ловил каждое слово.

– Но на это потребуется много времени.

– Ничего страшного, – Спартак повеселел. – Я терпеливый. Тем более такой случай...

– А если у меня ничего не выйдет, компьютеры заберете обратно?

Глаза Спартака забегали, но он тут же взял себя в руки и отрицательно покачал головой:

– Ты что, это подарок.

– Тогда оформляем спонсорскую помощь.

Так из тридцати украденных компьютеров три перекочевали в урологическое отделение больницы имени Калинина.

Остальными компьютерами занимался Влад вместе со своим неразлучным корешем Кузей.

Людей такого образа жизни и склада характера давно окрестили отморозками. Этих двух конченных парней, готовых за деньги выполнить любое указание Спартака, судьба свела еще в школе. С пятого класса они учились вместе и даже сидели за одной партой, а в девятом стали «молочными братьями», затащив в техническую пристройку и изнасиловав во время выпускного бала разомлевшую от алкоголя десятиклассницу. К счастью, испуганная Светка никому об этом не рассказала.

За эти несколько дней Влад все-таки осознал, что не зря его мучили учителя. Ему наконец пригодилось умение читать. Изучая частные объявления в разделах «куплю», им удалось продать два «Pentiuma».

Сейчас он и Кузя сидели в помещении склада, который находился на окраине города, в подвале покосившегося двухэтажного деревянного дома, и перекуривали. В основном здесь хранилась паленая водка.

С утра по их объявлению позвонил еще один потенциальный покупатель. Так как склад был тайный, они отвозили коробки на квартиру к Кузиной сестре, Ритке, и там, распаковав, выдавали покупателю за свой. Поскольку документы были в наличии, а цена сносная, люди мало интересовались их происхождением.

– Ну что, братан... – Влад встал и, бросив сигарету на пол, наступил на нее. – Потащили к машине?

Тяжело вздохнув, Кузя поднялся со своего места.

– Слушай, а не боишься, если вместо покупателей менты придут?

Влад сплюнул на пол:

– А чего бояться?

– Но мы уже который раз с одного адреса продаем.

– Мозгами пошевели, – Влад усмехнулся. – Как докажут, что это третий? Может, мы просто его продать не можем. Да и посмотри, сколько таких предложений. Оперов в городе не хватит, чтобы все адреса проверить.

Рита жила в небольшом частном доме. Вернее сказать, она здесь отсыпалась. Работая днем швеей на каком-то комбинате, ночью караулила подвыпивших парней, имеющих деньги, отдаваясь, как она любила говорить, почти за бесценок. Ритка была старше своего брата на девять лет и выглядела как потрепанная ребятишками кукла, с круглым лицом, маленьким носиком и голубыми глазами. Цвета волос сестры не помнил даже Кузя. С четырнадцати лет она меняла его десятки раз.

Въехав во двор и закрыв ворота, они спешно принялись за дело.

* * *

Саяпин с Филипповым едва передвигали ноги. За полдня они обошли четыре адреса. По двум оказалось, что компьютеры не те, по третьему их уже успели опередить, купили, однако, как уверял хозяин, компьютер у него был хоть и новый, но несколько месяцев он его эксплуатировал. Поговорив с ним несколько минут, они пришли к выводу, что он не врет. Вполне добропорядочный гражданин. Там, откуда они сейчас выдвигались, вообще никого не оказалось дома.

Сейчас, обливаясь потом, шли проверить пятый адрес.

Позвонив с утра, Юрий договорился встретиться с этим человеком в обед, о чем сейчас очень жалел. Он не учел, что в такую жару двое крепко сложенных парней, в застегнутых пиджаках, среди горожан в майках и рубашках с короткими рукавами выглядят нелепо. Но деваться некуда. Куда нелепей они бы выглядели без пиджаков. У каждого из-за пояса торчали рукоятки пистолетов.

Наконец они вышли на Партизанскую.

Этот район больше походил на деревню. Даже дорога была не заасфальтирована.

– Когда весь этот «клондайк» снесут? – вытирая слезившиеся от тополиного пуха глаза, простонал Саяпин.

– Дождешься, – Антон усмехнулся, – скорее сами успеют сгнить.

Они подошли к небольшому частному дому с палисадником. Мимо пронесся грузовик, подняв густые клубы пыли. Саяпин, чертыхнувшись, нажал кнопку звонка на столбе рядом с калиткой.

Послышались шаги.

– Кто?

– По поводу объявления.

Ворота открылись. Перед ними стоял парень лет двадцати пяти, с наглым взглядом. У Антона екнуло сердце. Он узнал пассажира сбившего его «жигуленка».

В то же мгновение, не раздумывая, он влепил ему кулаком в переносицу.

Парень рухнул, схватившись за нос. Вбежав во двор, Антон ударил его ногой в солнечное сплетение.

Саяпин закрыл калитку и прислушался. На улице и в доме было тихо.

– За что ты его так?

– Это как раз и есть тот гад, который меня на тот свет хотел отправить.

– Так, – протянул Юра, – уже горячо.

Он вынул из-за пояса пистолет.

– Слышь, козел, – Филиппов присел на корточки, – кто здесь еще есть?

– Пошел ты... – выдавил из себя парень и тут же вздрогнул от очередного удара, уже в пах. На землю из-под рубахи выпал старенький револьвер.

– В дом, – Саяпин кивнул Филиппову на двери веранды.

Антон осторожно направился вдоль стены. Выходившие во двор окна были закрыты ставнями. По-видимому, хозяева таким образом спасались от жары.

Тем временем Юрий, выждав, пока парень придет в себя, схватил его за шиворот, поднял с земли и поволок следом.

В доме было тихо, лишь урчал холодильник.

Окно на кухне распахнуто. Осторожно подойдя к нему, Антон выглянул наружу. С этой стороны были какие-то хозяйственные пристройки и огород, по которому убегал человек. Догонять его уже не было смысла. Обернувшись, он перемахнул через забор и исчез на соседней улице. Этого хватило Антону, чтобы узнать в нем того, кто сидел за рулем.

Убрав пистолет, Филиппов прошел в комнату.

С первого взгляда было ясно, что жившие здесь люди не особо избалованы судьбой.

Старый шифоньер, выдавший виды диван. Между окон огромных размеров трюмо. Однако телевизор «Philips» и музыкальный центр «Sony» напоминали о том, что сейчас уже двадцать первый век, а не семидесятые годы прошлого столетия.

Саяпин рассматривал стоящий на столе компьютер. Хозяин дома сидел на полу, прислонившись к стенке. Подняв на Антона наполненные ненавистью глаза, он скривился в некоем подобии улыбки:

– Что, сучок, выжил?

Не обращая на него внимания, Антон вынул листок с номерами системных блоков и протянул Юрию.

– Тот! – через некоторое время воскликнул он. – Антоха, не зря парились!

– Где остальные? – сквозь зубы обратился Антон к парню.

Тот безучастно уставился в окно.

Не сильный, но резкий и точный удар в печень заставил его охнуть и сложиться пополам.

– Я сюда не в цапки пришел играть!

Пока Антон пытался его разговорить, друг взял на кухне нож и открутил болты системного блока. Снял крышку.

– Вот это да!

Взору предстали стодолларовые купюры, аккуратно запакованные в целлофан и занимающие нижнюю, пустующую часть корпуса. Кузя ахнул. До него мгновенно дошло, каким серьезным людям они с Владом перешли дорогу.

– Таких импровизированных контейнеров в машине было много, – Саяпин говорил не спеша, словно с самим собой, одновременно перекладывая пачки на стол. – Здесь, – он на секунду задумался, закончив считать, – сто тысяч долларов США.

Вздохнув, Юра с состраданием во взгляде посмотрел на парня:

– Как тебя зовут, чудик?

– Кузя, – едва слышно, одними губами прошептал тот, не сводя глаз со стола.

Юрий развернулся к Антону:

– Представляешь, какие люди, кроме нас, ищут нашего Кузю и что они с ним сделают, когда найдут?

У Кузи началась истерика:

– Ребята, я не знал... Я не виноват... Это все они... Спартак... Это Влад, который сейчас через огород...

Антон поморщился:

– Лучше скажи, где остальные?

– У Спартака... На складе.

Саяпин почесал стволом пистолета за ухом и подошел ближе:

– Что за Спартак? Какие склады?

– Спартак? – Парень переспросил таким тоном, как будто его удивило, что никто из присутствующих не знает такого человека. Глаза его забегали. В это время Юрий принялся засовывать пистолет за пояс, а Антон уселся на диван.

Воспользовавшись этим, Кузя неожиданно сорвался и бросился в кухню. Антон кинулся следом, однако тому удалось нырнуть в окно головой вперед. Почти одновременно раздалось несколько приглушенных хлопков.

У человека, долгое время прослужившего в спецназе, на подобные звуки выработан рефлекс, и, подчинившись ему, Антон распластался на полу.

– Эй, ребяташки, дергаться не вздумайте! Оружие на пол и с поднятыми руками на выход, – донесся голос снаружи.

– А кто это говорит? – Антон растерялся.

– Дед Пыхто, – раздался еще один хлопок, и на пол, где-то позади Филиппова, посыпалась штукатурка.

В пользу того, что это была не милиция, красноречиво говорил факт использования глушителей на пистолеты, да и ответ на вопрос Антона не походил на дипломатию, к которой в таких случаях прибегают сотрудники силовых структур.

Антон осторожно перевернулся на бок таким образом, чтобы в поле зрения находились одновременно окно, входная дверь и комната, в которой остался Саяпин.

Друга он увидел в отражении трюмо. Присев на одно колено, Юрий взял под контроль окна, выходившие на улицу.

Антон поднял левую руку и, убедившись, что друг обратил на этот знак внимание, указательным пальцем очертил круг возле своего уха, затем сжал кулак и, резко разжав пальцы, указал на окно, возле которого стоял компьютер.

Саяпин сигнал понял. Осторожно взяв стул, стоящий рядом, он вопросительно посмотрел на друга.

Антон утвердительно кивнул головой.

Со всего размаху тот швырнул его в окно.

Третью кухни была отделена ширмой из выцветшего материала.

Воспользовавшись шумом, Антон вскочил и нырнул за нее, одновременно, краем глаза, заметив распластавшегося на земле, метрах в десяти от дома, Кузю. Рубашка его была окровавлена.

Здесь было сумрачно. В углу стоял умывальник, рядом помойное ведро. По всей стене тянулись деревянные полки, заставленные посудой, банками с соленьями и какими-то коробками.

Оглядевшись, он принял к щели, образованной двумя занавесками.

Когда звон сыпавшегося на пол стекла прекратился, в окне появилась голова уже молодого мужчины.

Заглянув в ту комнату, где остался Саяпин, он вскинул пистолет с глушителем и несколько раз выстрелил. Раздался характерный звон.

«В отражение стреляет, – облегченно подумал Антон. – Олух».

Бесшумно сделав шаг назад, он несколько раз выстрелил в голову. Грохот в спертom пространстве сильно оглушил. Антон даже не расслышал, как зазвенели упавшие на пол гильзы, однако отчетливо увидел, как подоконник окрасился в кроваво-красный цвет.

Не теряя времени и не спуская глаз с входной двери, он в два бесшумных прыжка оказался у окна.

На земле лежал труп с обезображенным лицом, дальше еще один. Больше никого не было. Легко перемахнув через подоконник, Филиппов осторожно направился в обход дома, прихватив, однако, ствол с глушителем.

Перед входом на веранду, прижавшись к стене, стоял человек. Он не спускал с дверного проема глаз. В его правой руке был зажат такой же пистолет, как и у убитого. Было заметно, что его бьет нервная дрожь.

Подкравшись сзади, отработанным, в меру щадящим ударом, Антон оглушил его. Издав какой-то храп, тот упал на колени. Оружие выпало из рук. Не раздумывая, Филиппов отбросил его носком ботинка в сторону и огляделся.

Больше во дворе никого не было.

Неожиданно из дома послышался еще один выстрел; в палисаднике кто-то взвыл. Он рванул было в дом, но в это время, придя в себя, попытался подняться его подопечный.

Схватив мужчину за волосы, он завернул его голову назад и со всего размаху вогнал ствол пистолета в рот. Раздался хруст ломающихся передних зубов. Мужчина замычал и замотал

головой. Однако Антон вдавил ствол сильнее, и пленник затих, глядя перед собой округлившимися от ужаса глазами.

– Сколько вас? – нагнувшись, зловещим шепотом спросил Филиппов.

Не имея возможности говорить, бедняга медленно поднял руку с тремя выпрямленными пальцами.

– Понятно... – Антон осторожно вынул изо рта ствол. – Вас сюда Решетов прислал?

Тот утвердительно закивал головой, затем, облизнув окровавленные губы, с трудом выговорил, растягивая слова и морщась от боли:

– Мы вас весь день пасли...

Больше он не был нужен, и рукоять «макарова» опустилась на его темя.

Вбежав в дом, Антон увидел, как Саяпин, стоя в простенке между окнами, используя обломок зеркала, пытается рассмотреть, что творится снаружи.

Увидев Филиппова, он знаками дал понять, что одного уложил. Тот облегченно вздохнул.

– Все. Их всего трое было. Двоих я успокоил. – Антон спрятал за пояс оба пистолета, отряхнул рукава. – Провырнись по дому, нужно найти сумку или, на худой конец, пакет. Я протру все, за что хваталось.

Спустя несколько минут где-то вдалеке завывала сирена.

– Хорошо, что они с ней ездят, – тяжело дыша, прохрипел Саяпин, после того, как они перелезли через забор. – За версту слышно.

Дабы не испытывать судьбу, решили воспользоваться маршрутом, по которому ушел Влад.

– Оперативно ребята работают, – на ходу глянув на часы, хмыкнул Антон.

Саяпин вопросительно посмотрел на него.

С момента последнего выстрела прошло четыре минуты...

* * *

– Вот что, Геннадий Сергеевич. – Сиганов на секунду задумался, затем, сделав озабоченное лицо, продолжил: – У меня складывается впечатление, что вы постепенно теряете надежду, что взятое вами в производство дело о хищении компьютеров будет раскрыто.

Некоторое время Навродский молчал, переваривая сказанное хозяином кабинета. Не потому, что был тугодумом, а просто ошалев от тона и построения предложения. Он почувствовал по несвойственной для начальника следственного отдела манере говорить, что этот вопрос для того имеет какое то двойное значение и в какой-то степени неприятен.

Только что Навродский закончил доклад по заказному убийству, вымогательству и изнасилованию, которые также висели на его шее. На фоне этих преступлений дело о хищении компьютеров выглядело не очень значительным. Поэтому он лишь вскользь упомянул о нем, заметив, однако, что дела продвигаются очень медленно из-за перегруженности оперативных работников.

Впрочем, что-то говорить в свое оправдание Навродскому не пришлось.

– Начальник следственного отдела, – раздался голос шефа из пластмассовой коробки селектора.

– Слушаю, товарищ полковник, – встрепенулся Сиганов.

– Навродский еще у тебя?

Сиганов покосился на следователя:

– Так точно!

– Зайдите ко мне.

Полковник Линёв, когда они вошли, уже отключив настольную лампу и надев фуражку, направлялся к выходу из кабинета, видимо, рассчитывая встретить подчиненных в коридоре.

Навродский облегченно перевел дыхание. Опасения, что его и Сиганова вызывают на «ковер», не подтвердились. Линёв не читал нравоучений за пределами своих апартаментов.

– Разрешите...

– Входите, входите...

Он остановился напротив них и оценивающе оглядел Навродского с ног до головы.

От этого взгляда следователю стало не по себе. Линёв был высоким широкоплечим человеком. В свои сорок с хвостиком без труда мог завязать пальцами гвоздь или согнуть металлический прут так, что весь отдел не мог его выпрямить. Маленькие глаза на большом скуластом лице всегда смотрели на мир невозмутимо.

– Сгоняй завтра к соседям, – он потер пальцами висок, собираясь с мыслями. – Там у них какие-то разборки были. Четыре трупа в одном из дворов частного сектора. Все ранения огнестрельные. В доме обнаружен системный блок и монитор с одним из номеров, проходящих по твоему делу...

На следующий день с утра Навродский был в отделе Железнодорожного района. Осторожно постучав в обшарпанную дверь в конце коридора, потянул ее на себя. Когда-то, по-видимому, это помещение предназначалось под чулан. Комната была настолько мала, что в ней едва умещались два стола и сейф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.